

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ АВАНТЮРА

АТОМНЫЙ

ГОРОД

Алексей Доронин

ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ

«КРЫЛОВ»

Черный день

Алексей Доронин

Черный день

«Крылов»

2009

Доронин А. А.

Черный день / А. А. Доронин — «Крылов», 2009 — (Черный день)

ISBN 978-5-9717-0862-9

Они рассчитывали обойтись точечными ударами. Безднаказанно стереть в порошок страну, которая по недоразумению еще владела ядерным мечом. В глобальном кризисе природные ресурсы жертвыгодились бы золотому миллиарду. Когда на руках козыри в виде 20 000 крылатых ракет и аэрокосмического оружия, все выглядит несложным. Они просчитались. Залпа одного подводного ракетноносца списанной в расход державы хватило, чтобы отплатить агрессору сполна. Это было только начало. Никто не предполагал, что теория ядерной зимы, которую все считали мифом, окажется верна. И живые позавидуют мертвым, погибая от холода и голода во мраке бесконечной ночи. Многие откладывали деньги на черный день, самые умные запасали тушенку и патроны. И вот Черный День настал.

ISBN 978-5-9717-0862-9

© Доронин А. А., 2009

© Крылов, 2009

Содержание

Пролог	7
Часть 1	9
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	34
Глава 4	47
Глава 5	57
Глава 6	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Алексей Доронин

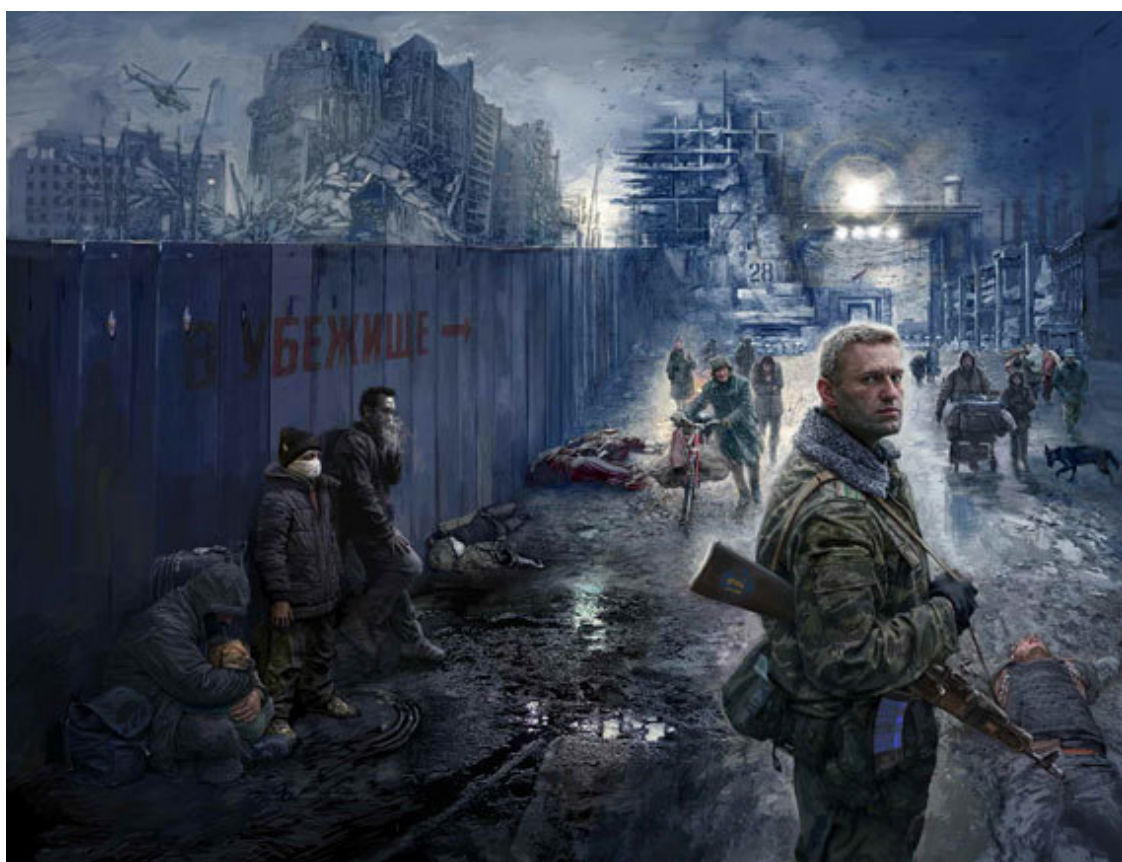
Черный день

Моей жене и сыну.

С надеждой, что этого не случится.

*Есть высшая на свете справедливость,
И может статься, сквозь кольцо радаров
Вам отольются горестные слезы
Грозой ракетно-ядерных ударов!*

«Америке». А. Харчиков

Маршрут Данилова

*Зеленая стрелка – пешком и на автобусе до места, где его настиг Взрыв. Синяя – в колонне беженцев в Коченево.
Красная – оттуда в родной город*

Пролог

Человек поднялся на верхнюю площадку, осмотрелся и перевел дух. Восемнадцать пролетов остались внизу и напоминали о себе как тяжесть прожитых лет. Чердачная лестница далась ему труднее. Через узкое слуховое окно мало что можно было разглядеть, и он решил идти до конца. Крыша была ровной площадкой без скатов, такие возводили и в конце прошлого, и в начале нынешнего века. Он не знал, сколько дому лет, но надеялся, что тот простоит еще хотя бы сутки.

Прижимаясь спиной к лифтовому коробу, человек сел на корточки. Приближаться к краю, лишенному даже намека на перила, ему не хотелось.

Никто не знал, что он здесь, иначе ему без разговоров запретили бы, даже применив силу. Он был слишком ценен. Или они думали... да, в последнее время он склонялся к этой версии. Они ошибочно считали его ценным.

Иногда ему казалось, что, будь на его месте жюль-верновский инженер Сайрес Смит, тот сумел бы в одиночку восстановить цивилизацию на отдельном участке суши. В полном объеме. И наладить сельхозтехнику, и пустить трамвай, и даже соорудить из подручных материалов новую теплоэлектроцентраль.

Его же личная память хранила только даты давно забытых сражений и кучу никому не понятных терминов. Гору бесполезного гуманитарного хлама, который он не собирался никому передавать. Но он гнал эти мысли и понимал, что глупо себя обвинять. Как и культура, цивилизация – продукт миллионов. Ни один атлант не вынесет этой тяжести в одиночку.

Посещать старые дома давно стало опасно. Они рушились от слабых подвижек земной коры, которые нередки в северных отрогах Салаирского кряжа, от непогоды, подтачивавшей их второе десятилетие. Иногда достаточно было легкого толчка, чтобы изношенные несущие конструкции, выдержавшие когда-то страшный удар взрывной волны, обрушились. Складывавшаяся как картонные домики, здания иногда погребали под обломками любителей порыться в останках былого.

Человек знал, что его выходка граничит с безумием. Может быть, он верил в свою счастливую звезду и в то, что, пройдя такое, нельзя умереть иначе, чем от старости.

А еще он не мог уйти, не попрощавшись с Городом.

В доме не было ничего примечательного, и жизнь человека никак не была связана с этой серой громадой. Обычный девятиэтажный дом из кирпича с тремя подъездами теперь гордо возвышался над всем районом. От его панельных соседей остались только невысокие холмики, похожие на скифские курганы и уже начавшие порастать травой. Дом был одним из последних, устоявших после прошлогодних толчков, которые люди, живущие теперь в жмушках к земле домишках, едва почувствовали.

Это был последний вечер, который он проведет там, где когда-то появился на свет. Совет принял решение. Совсем скоро они оставят этот негостеприимный край и отправятся в дальнюю дорогу, чтобы найти новый дом.

Они нашли несколько нетронутых разрезов – невозможно выжечь все месторождения дотла, да и вряд ли кто-то ставил такую цель. На них при желании можно было добывать уголь практически вручную, как в позапрошлом веке. Но это мартышкин труд. Чтобы обогреть их утлые жилища и готовить еду, хватит и дров. Так что заметных плюсов у проживания в угольном краю не было.

А минусы перечислять можно было долго. Скверный климат и неудобный для земледелия рельеф, бедная фауна и недостаток водоемов, пригодных для рыболовства. Вдобавок – и это самое страшное – полная изолированность от других «островков» жизни. Ближайшее посе-

ление находилось в пятистах километрах, а это все равно что на Марсе. Этот человек хорошо знал историю и вполне мог представить себе последствия такой обособленности – деградацию физическую и культурную. Народ... точнее, племя, начнет вырождаться без притока свежей информации быстрее, чем без притока свежей крови.

Здесь, на продуваемых всеми ветрами холмах, они найдут быструю смерть. Занавес опустится через два-три поколения, когда будут истрачены лекарства и удобрения, доставшиеся им в наследство. Когда истощенные почвы не оставят им надежды на сносный урожай, а каждый второй ребенок будет рождаться мертвым, будет уже поздно.

Надо уходить, пока есть силы и запасы прежних лет. Возможно, на юге, у незамерзающих морей, где не понадобятся дрова, можно собирать по три урожая в год и ловить сколько угодно рыбы, их ждало бы будущее. Не великое – ни к чему забивать голову ерундой, – а скромное и тихое, как у тысяч племен, имена которых не сохранила история. Им не довелось изобрести пороха или открыть Америку, но кто сказал, что они об этом жалели?

Но это все мечты. Не так-то просто выбраться из Западной Сибири в теплые края. Если идти строго на юг, то придешь в степи Казахстана или бесплодную Монголию. Шило на мыло.

И на востоке нечего искать. Отколовшиеся смогли добраться до Приморья пятнадцать лет назад, но с тех пор слишком многое изменилось. У них еще были автомобили. И там еще были дороги.

На западе... там их тоже не ждут.

Поэтому про тропики придется забыть и довольствоваться Алтаем. Так решил Совет.

Человек снова возвращался мыслями к тем, кто покинул их пятнадцать лет назад. Отколовшиеся оказались правы, будь они прокляты. Теперь они уже наверняка нашли новую родину и живут там припеваючи. А он, старый дурак, до последнего надеялся, цеплялся за прошлое. Вдруг уже поздно? Что будет, если все подходящие для проживания места уже заняты?

«Не пори горячку», – оборвал человек себя. Он помнил данные количественного анализа. Свободного места на Земле долго будет больше чем достаточно. Очень долго.

Он поднес к глазам бинокль и посмотрел в сторону бывшего Рудничного района. Тот находился на естественном холме или плато, поднимавшемся на высоту около пятисот метров над уровнем моря. Там когда-то были новостройки времен Брежнева. Теперь, насколько хватало глаз, громоздились руины, удаляясь к северу ступенчатыми волнами.

Город когда-то вырос вокруг нескольких шахтерских поселков без всякого генерального плана. Он был разбросан на громадной площади, это и спасло его дальние пригороды. В одном из таких наблюдатель и нашел эту крышу.

В хорошую погоду с нее можно было рассмотреть и старый центр, который люди, жившие здесь сорок лет назад, называли попросту Городом. Вот только там почти ничего не осталось. Годы и дожди занесли грязью и глиной чудом уцелевшие фундаменты, смыли остатки кирпичной крошки и обломки, усеивавшие зону полного разрушения. Наносы покрыли и шлаковое поле, расстилавшееся чуть дальше. Там не выросло ни травинки, и теперь серая проплешина контрастировала с зеленеющими окрестными холмами.

А дальше на юго-восток, примерно в полутора километрах, чернела яма Провала. Человек опять поймал себя на том, что произвольно отводит глаза, чтоб лишний раз не видеть этой раны на теле земли. Но он знал, что так же делают и остальные. Своеобразное табу, которое родилось на его глазах вместе с их крохотным народом.

Нечего там высматривать, особенно на ночь глядя.

Здесь не осталось ничего им дорогого. Кому сейчас нужен старый металлолом, ржавеющий в земле? Древние машины не могли создать еду из воздуха, они только добывали из недр горючий черный камень, который предназначался даже и не людям, а другим машинам. А тех давно нет. Потому что нет на этой планете больше такой цивилизации, и вряд ли она появится в ближайшие две тысячи лет. Может статься, и никогда не появится.

Часть 1

Огонь

*От края до края
Небо в огне сгорает
И в нем исчезают
Все надежды и мечты...*

«Ария». «Потерянный Рай»

Глава 1

«Гробовщик»

Время Ч – 14

Этот длинный и суматошный день начался для Сергея Борисовича Демьянова еще вечером дня предыдущего.

Когда раздался звонок, он был уже в полудреме. Он в последнее время и так частенько ложился рано, а в этот раз настолько умаялся на своей основной работе в заводской охране, что, придя домой, провалился в сон, только коснувшись кровати.

Демьянов не торопился отвечать. Ему и в голову не пришло, что кто-то станет искать его в пятницу в половине двенадцатого. Не такая у него была жизнь. Но настырная трель телефона не унималась, и он поднял трубку, готовый послать ошибившегося номером недоумка к чертовой матери и еще дальше.

– Алло?!

– Привет, Борисыч. Выручай, у нас тут ЧП.

– Да, Игорь Максимович?

Демьянов сменил тон на более терпимый, но без угодливости. Все-таки директор был моложе его почти на десять лет.

– Мне тут шепнули, с утра проверка нагрянет. Из главного управления по ГО и ЧС. Наш бункер будут проверять. Мать моя женщина, целый генерал приедет.

Голос собеседника показался майору взволнованным.

– У них там наверху кому-то конкретно вожжа под хвост попала, – продолжал Игорь Максимович в своей обычной развязной манере. – Мне кореш из Нижнего звонил, работает в вашей конторе. Говорит, вечером пришла директива из Москвы и сейчас там все на ушах. В одном тракторно-бульдозерном парке всю работу парализовали. Диспетчеров, шоферов, механиков, даже дворников забрали. Предъявили ордер, взяли автокран, два бульдозера, экскаватор. Отрабатываем, мол, спасательную операцию в зоне сильных разрушений. Загоняли всех насмерть. Типа, отрабатываем действия по сигналу «Набат», так вот. По результатам составили длиннющий список нарушений и натянули базу на двести МРОТов. А твоего коллегу тамошнего – на пятьдесят. Вот и думай.

– Это как так? – не поверил Демьянов. – Сроду такого не было. Да еще и в выходной...

– Я говорю, совсем озверели. А по новому кодексу могут хоть твой тарантас забрать и из квартиры пинком под зад выбить, если чего не понравится, – то ли в шутку, то ли всерьез добавил директор.

Демьянов напрягся. Слишком свежи были воспоминания о времени, когда перед ним действительно маячила такая перспектива. Тогда он четвертый месяц сидел без работы и третий – не платил за квартиру и коммунальные услуги. Еще немного, и оказался бы на улице. Спасибо однокласснику, помог в трудной ситуации, подыскал местечко «гробовщика» на муниципальной автобазе. Это уже потом Демьянов окончил курсы частных охранников, получил лицензию и смог найти место чуть более хлебное. Но тогда без этих одиннадцати штук в месяц он протянул бы ноги.

Правда, работой это можно было назвать с большой натяжкой, особенно когда за плечами опыт реальных дел. Поначалу, после армии и МЧС, бесполезное переключивание бумажек казалось ему даже унижительным. Но ничего, человек ко всему привыкает. Все лучше, чем бутылки собирать.

– Так что завтра ноги в руки и бегом туда, – подытожил директор базы. – На тебя вся надежда. Чтoб все по высшему разряду. Потом не забудь ко мне зайти, расскажешь. Ну все, бывай.

В трубке раздались гудки, а Демьянов еще несколько секунд сидел, переваривая услышанное. Эх, жизнь-жестянка... У него были такие планы на завтрашний день. Он собирался неспешно позавтракать, потом отправиться в гараж, поковыряться в моторе капризного «жигуленка», потом вывести его из гаража и после двух часов в кошмарных городских пробках, часа по трассе и еще одного по плохоньким районным дорогам оказаться в месте с чудным названием Рябчинка. Посидеть с удочкой над тихой речкой, а может, и с бреднем походить.

А вместо этого придется во внеурочное время заниматься играми в ГО.

Го. Есть такая древняя японская игра, заключающаяся в передвижении бусин по многоклеточному полю. Они занимались примерно тем же. Из недостижимых штабов приходили бумаги – с требованиями «предоставить», «обеспечить», «исполнить до...». В ответ на них на местах напрягали фантазию и стряпали отчеты, доклады, создавая на бумаге же подразделения и службы, потом читали лекции, на которых народ зевал и недоумевал, зачем же это нужно; потом писали заведомо невыполнимые планы, которые все равно никто не собирался выполнять.

ГРОБ. Какое говорящее название.

За два года работы в этой сфере Демьянов хорошо уяснил главную военную тайну страны. Она заключалась в том, что никакой гражданской обороны давно нет.

Есть система пускания пыли в глаза, когда государство обманывает своих граждан иллюзией безопасности, требуя от них взамен спокойствия и подчинения. И какие бы миллионы «деревянных» ни пускались на это дело, какие бы катакомбы ни возводились под землей, система не была готова ни к чему такому, что серьезнее лесного пожара или конфликта с племенем горных пастухов.

Пусть в последние годы те, кто сидел наверху, стали малость лучше осознавать угрозы современного мира. Пусть начали в спешном порядке подыскивать силы и средства, адекватные этим угрозам. Но все это было впустую, потому что отсутствовало главное – объект защиты. Не стало народа, вместо него хрюкало оболваненное скопище своекорыстных индивидуумов, объединенных только общими праздниками.

Так что некому было защищать, нечем, да и некого.

В отличие от Демьянова, отдавшего МЧС почти пятнадцать лет жизни, на большинстве предприятий делами гражданской обороны ведали женщины и пенсионеры, в лучшем случае – совместители, для которых вся эта хрень была делом ненужным и непонятным. Что касается нештатных формирований, на которых в случае чего легла бы основная тяжесть спасения

пострадавших и восстановления разрушенной экономики, то чаще они существовали только в мире документов. Их личный состав мог даже не подозревать об оказанной ему чести. В лучшем случае эти службы имелись в реальности, но были заточены сугубо под катастрофы мирного времени. О войне никто не заикался, как о том, чего не может быть, потому что не может быть никогда.

Демьянов часто ловил себя на мысли, что если о ком-то и позаботится государство в «час Ч», то только о собственных функционерах. Для них уже наверняка все построено, оборудовано и снабжается по высшему разряду. А остальных, даже персонал стратегических предприятий, оно выкинет за борт с легкой душой. Выплывут – герои. Потонут – вечная память. Но никто в высших эшелонах сна не лишится. Может, там даже вздохнут с облегчением, ведь в условиях послевоенного времени запасы продовольствия, медикаментов и фонд временного жилья будут резко ограничены.

Вот такие невеселые мысли теснились в голове руководителя структуры ГО объекта экономики.

Только идиот может думать, что войны начинаются из-за ущемления прав человека. Правда, никто не мешает этому идиоту быть президентом единственной сверхдержавы. Но при условии, что страной управляют совсем другие люди, дергая его за ниточки, как паяца.

С самого начала человеческой истории войны велись ради ресурсов, будь это охотничьи угодья, плодородные поля или нефтяные месторождения. Но это была странная война. Конечно, и в ней сырьевой фактор имел значение. Но только косвенное, второстепенное.

Война велась ради уничтожения избыточного количества земель, способных эти ресурсы потреблять. Своими методами она напоминала дезинсекцию – настолько несопоставимыми казались силы сторон. Кто объявляет войну тараканам? Их просто засыпают дустом, не вспоминая о Женевской конвенции.

Но эта страна была крепким орешком, и именно поэтому с ней нельзя было тянуть. Нет, она не набиралась сил, просто сам дезинсектор слабел с каждым годом. Вопрос стоял так: сейчас или никогда.

Тянуть было нельзя. Последние десять лет экономика планеты практически не выходила из штопора. Лишь изредка обвал сменялся плавным скольжением вниз. В такой ситуации особенно уязвимо себя чувствовал мировой гегемон.

Капитализм знал всего один выход из глобального кризиса. Войну. И чем глубже кризис, тем сильнее нужна встряска. Все знают, что почти сто лет назад не «новый курс» Рузвельта вывел США из Великой депрессии. Ее спасли военные заказы, которые посыпались из объятых огнем Европы.

История повторялась на новом витке. Исцелить экономику Соединенных Штатов от Величайшей депрессии, сбросить с них триллионные долги и сделать весь мир их должниками могла только бойня масштаба Второй мировой.

Так они думали.

Огромный – больше почившей МКС почти в два раза – спутник напоминал по форме восьмерку. Превосходил он международную станцию и по стоимости своей электронной начинки, следящей аппаратуры и вычислительных машин. Но объект, неподвижно висевший над заданной точкой земной поверхности уже второй год, не был научно-исследовательской станцией. Хотя то, что он собирался совершить, с некоторой натяжкой можно было назвать экспериментом. Не был он и метеоспутником, пусть при определенных обстоятельствах мог влиять и на погоду.

Многоцелевая боевая платформа «Дамокл-4» существовала в единственном числе. Что и немудрено. Ведь даже ресурсов всего «свободного мира» не хватило бы на строительство и

эксплуатацию, скажем, десяти подобных монстров. Да в этом и не было нужды. Спутник предназначен для особых задач. Тех, которые не могли выполнить даже ракеты с тактическими ядерными зарядами.

До этого он тихо висел в безвоздушном пространстве вдалеке от бурь, сотрясавших земной шар. Висел, ожидая сигнала – неповторимой комбинации цифр, которая вовлечет его в процесс всепланетной трансформации материи, называемый войной.

Не он ее начал. Этот маховик был запущен внизу, в кабинетах политиков и военных штабах. Ему лишь отведена роль застрельщика, оружия первого удара.

Мощная система наведения помех скрывала его до поры до времени от электронных глаз противника, маскируя под космический мусор. Мегаваттный атомный реактор мог щедро питать энергией «главный калибр» боевой платформы – десятитонное орудие Гаусса. На поверхности Земли из-за сопротивления атмосферы ее мощности было бы недостаточно, чтобы разогнать обычную пулю. Но здесь, в сверхразреженном воздухе, немногим отличающимся от вакуума, все было по-другому. Здесь «рельсовая пушка» вполне могла разогнать трехсоткилограммовую болванку из обедненного урана.

Электронный мозг «Дамокла-4» занимался своим любимым делом – тестировал все системы, отправляя сигналы по многократно дублированным цепям.

Но сегодня была не обычная проверка, а аврал. Рутинный порядок работы был грубо нарушен еще два дня назад, когда сверхчувствительные наружные датчики зафиксировали всплеск ионизирующего излучения. Теперь треть из них уже вышла из строя. Если бы главный компьютер платформы мог испытывать эмоции, то он почувствовал бы страх.

Но угрожавшая колоссу опасность не была делом рук человека. В космосе происходили процессы таких масштабов, которых людям с их тараканьими силами никогда не достичь.

Светило выбрасывало из себя миллионы тонн плазмы в секунду, «солнечный ветер» подхватывал и нес во все концы Солнечной системы плотные рои заряженных частиц. Отраженным светом горел естественный спутник Земли. Полыхали радужными огнями Меркурий и Венера. Их жители, если бы такие имелись, могли бы наблюдать яркую иллюминацию круглые сутки.

Корпус боевой платформы был не чета гражданским спутникам связи. От рядовой солнечной бури она была защищена даже надежнее, чем МКС-2, ведь «научное» оборудование, установленное на ней, ценилось выше, чем жизни астронавтов. Но многослойную танковую броню, позволяющую экипажу выжить даже рядом с взбесившимся энергоблоком АЭС, на спутник все-таки не навесишь. А такой уровень солнечной активности едва ли случался на короткой памяти человечества.

Так силы небес вмешались в историю Земли. Они дали ей не направление, а только легонький толчок, без которого она, скорее всего, обошлась бы с тем же результатом.

Уровень солнечной радиации быстро шел на спад, но свое дело она уже сделала, нанеся самым уязвимым узлам боевой платформы чудовищный урон. Сколько еще мог выдержать «Дамокл», прежде чем превратиться в десять тонн орбитального хлама, не решался сказать ни один специалист. Три дня? Два? А может, и сутки. Если бы спутник мог чувствовать, то он кричал бы от отчаяния. Погибнуть втуне, так и не выполнив своего предназначения. И это притом, что стоишь ты, считая с начала проектных работ, почти сотню миллиардов долларов!

Он не мог знать, что в этот момент внизу в огромном пятиугольном здании решалась как раз его судьба. По совокупности причин операцию предполагалось провести в течение месяца. Но из-за чрезвычайных обстоятельств сроки были пересмотрены в сторону сокращения.

Тем временем четыре десятка его собратьев устаревшей модели D-1, одноразовые спутники-камикадзе, несущие на борту по одному ядерному заряду, тоже начали выходить на позиции. Треть их уже вышла из строя от интенсивной солнечной бомбардировки, половина оставшихся получила повреждения, близкие к критическим. Любой день промедления грозил

новыми потерями. Высоколобые ребята из НАСА не могли сказать точно, не чреват ли этот природный феномен новым всплеском, не будет ли тот продолжаться до полной гибели орбитальной группировки.

Дальше ждать было нельзя. Начался последний отсчет.

Время Ч – 8.30

Он пришел туда первым, без двадцати шесть.

Небо еще только начинало бледнеть, на востоке заря проступала слабыми алыми пятнами, наполовину скрытая шеренгой недавно возведенных двадцатипятиэтажек.

Демьянов давно не вставал так рано. Первым, что он отметил, выйдя во двор, была огромная, едва ли не в четверть луны, слабо мерцающая блямба, что висела, казалось, прямо над подсвеченными сигнальными огнями вершинами двух новых высоток. Должно быть, Венера. Или Марс. Или комета какая-нибудь. Он был не силен в астрономии. Но почему эта штука так ярко светится?

Улицы были пустынные, будто город выкосила эпидемия, и тишина стояла такая, что звук его собственных шагов разносился чуть ли не на километр, так никем и не услышанный. Только по проспекту проносились редкие машины да изредка мелькал силуэт дворника во дворе, заставленных автомобилями.

Тишина и покой, разлитый в прохладном воздухе, настраивали на философский лад. Невольно на ум начали приходить странные мысли о бренности сущего, бесконечности пространства, быстротечности времени... Обо всей той ерундистике, которой Демьянов не забивал голову лет тридцать, еще с армии.

Университетский проспект был черен и пуст. В огромных домах по обеим его сторонам светилось едва ли два десятка окон. Это были ранние пташки или, наоборот, полуночники, засидевшиеся в хорошей компании. Вымерший город. Было в этой картине что-то одновременно пугающее и завораживающее.

Суббота. Почти все спят. Только ему приходится тащиться черт знает куда из-за того, что каким-то идиотам в погонах вздумалось поиграть в «Зарницу». Слава богу, живет он недалеко, а то пришлось бы выходить еще раньше. Какой транспорт ходит в такую рань? Такси? Полно вам, не с его зарплатой.

Это место всегда вызывало у него необъяснимую неприязнь. К поклонникам диггерской романтики Демьянов не относился и, как любой нормальный человек, не видел в огромном подвале, темном и грязном, ничего занимательного. Но существовала и другая причина. Запах. Убежище не воняло, нет... Но, как в любом помещении, куда люди не заглядывают годами, воздух в нем приобрел специфический нежилой – или лучше сказать «неживой»? – дух.

Так что он предпочел бы оставить это место в покое и не спускаться туда еще лет пять. А лучше десять. К тому времени он выйдет на пенсию, а с убежищем пусть разбирается его преемник.

Но ситуация сложилась такая, что без него никак. К прибытию комиссии убежище должно сверкать и сиять. Когда явятся «добровольные» помощники из числа рабочих базы, надо будет четко обрисовать им круг задач этого внепланового субботника, которому они, естественно, не будут рады, несмотря на обещанный директором отгул, потому что дел будет непочатый край.

Представитель фирмы-арендатора опаздывал, а без него нельзя было попасть в помещение для укрываемых, занимавшее половину убежища, куда проверяющие вполне могли заглянуть. Но можно было распечатать запасный вход, спуститься вниз, пройти в пункт управления и проверить там исправность основных систем. Это первое, на что будет смотреть комиссия.

Подземный переход был построен совсем недавно. Он встретил раннего гостя неласковым резким светом ламп. В это время в нем почти не было прохожих. До открытия павильонов оставалось еще два часа, и некому было увидеть, как неприметный человек остановился у неприметной решетчатой заслонки в стене. Хотя даже заметить его кто-нибудь, он принял бы майора за монтера или электрика. Демьянов и выглядел соответственно – старый потертый камуфляж, резиновые сапоги и ящик с инструментами через плечо. Руку его оттягивала пятилитровая канистра, внутри которой булькала солярка.

Люди невнимательны к тому, что напрямую не касается их жизни. Тысячи мужчин и женщин каждый день проходили мимо этой решетки, но мало кто из них задался вопросом о том, что же находится за ней.

Майор долго возился с дверью. От времени замочная скважина и сами механизмы замка заросли грязью, и когда он наконец справился с ней, дважды повернув ключ против часовой стрелки, его руки были в ржавчине, а одежда в паутине и нападавшем с потолка соре. Несмазанные петли жалобно скрипнули, когда решетка, закрывавшая вход в убежище от любопытных глаз, подалась в сторону. Перед Демьяновым оказалась обычная лестница, которая могла бы вести в типовой подвал жилого дома. Оттуда тянуло сквозняком и сыростью.

Отряхнувшись, – хотя чего ради, если там, куда он идет, еще грязней? – он достал аккумуляторный фонарик, последний раз оглянулся и шагнул вниз. Майор нахмурился, заметив налет ржавчины на трубах, тянущихся вдоль стены, и начал осторожно спускаться по крутой лестнице. Его резиновые сапоги звонко шлепали по бетонным ступеням, но он по опыту знал, что наверху это никто не услышит. Подземелье поглощало все звуки. Решетку он предусмотрительно закрыл за собой. Не хватало еще, чтобы какой-нибудь бомж забрался сюда в поисках цветного металла.

Лестница нырнула в сырую мглу, и Демьянов почувствовал, что воздух стал влажным и липким, как аэрозоль.

«Вряд ли грунтовые воды, – подумал он. – Скорее родной ЖЭК подкачал, опять у них что-то прорвало. Дай бог, чтобы воды по щиколотку не оказалось».

Но его опасения не подтвердились. Внизу было сыровато, но не более того. Цементный пол оказался сухим, с потолка не капало, лишь влага конденсировалась на металлическом тубинге белым инеем да пар валил изо рта. Здесь оказалось холодно. Адски холодно, несмотря на то, что наверху продолжал бушевать раскаленный август.

И зимой и летом температура в убежище держалась на уровне трех-пяти градусов тепла. Не так уж мало, но почему-то майора, коренного сибиряка, пробрало до костей, несмотря на теплый свитер.

Мертвый, застоявшийся холодный воздух охватил его со всех сторон. Демьянов вспомнил деревенский погреб, куда он ссыпал выращенную на «мичуринском» участке картошку. Но атмосфера здесь была другой – к запаху земли примешивался горький, терпкий дух. Дизтопливо, смазка, окисляющийся металл? Пожалуй.

Спуск заканчивался небольшой площадкой, напоминавшей лестничную клетку подъезда. Это был внешний предтамбур, «предбанник» убежища.

Здесь уже было темно как в могиле. Свет из подземного перехода сюда не доходил, а единственная лампочка под потолком была вывернута в незапамятные времена.

Зажав фонарь под мышкой, Демьянов начал открывать массивную дверь, настолько пыльную, что на ней можно было писать как на классной доске. Открутив разводным ключом болт, удерживающий тяжелый засов, майор поплевал на руки, навалился всем телом и по сантиметру отодвинул тяжелую бронеплиту из двадцатимиллиметровой стали. Одностворчатая дверь убежища полностью ушла в стенной паз, открыв проход уже в настоящий тамбур-шлюз.

Стены и пол его были выложены синим больничным кафелем. В потолке имелись распылители, похожие на систему автоматического пожаротушения. Здесь должны проходить дезак-

тивацию аварийно-спасательные команды, возвращающиеся из зоны заражения, смывая с себя радиоактивную грязь, чтоб ни грамма ее не занести внутрь.

Этот вход был запертым три года. Арендатор, частная фирма, занимавшаяся поставками продуктов питания, использовала объект как склад, а заодно и как огромный дешевый холодильник для не скоро портящегося импорта.

Но для своих целей фирмачи задействовали первый, главный вход, что располагался в противоположном конце убежища. Он выходил прямо на их же мини-супермаркет – павильон, сооруженный на скорую руку из панелей и крытый сайдингом, какие в начале века как грибы после дождя выросли по всей стране. Демьянов видел в них верный признак приближения хреновых времен. Ведь это не капитальные сооружения, а временки, больше чем на пятнадцать лет не рассчитанные.

К главному входу по пандусу могли подходить грузовики, и двустворчатые броневые ворота были постоянно открыты. Демьянов подумал, что электромоторы, открывающие их, находятся в нерабочем состоянии, а может, разобраны по винтикам или целиком перекочевали в чей-нибудь гараж. Именно ему и предстояло это проверить.

Единственное в этой части города бомбоубежище высшего класса защиты не было наследием. Нет, это был новодел. Его построили всего семь лет назад, в эпоху крушения последних иллюзий о мирном сосуществовании с «цивилизованным миром». Тогда, в начале десятых годов, когда короткая разрядка на Западе сменилась новым раундом антироссийской истерии, в России развернулась амбициозная программа по укреплению гражданской обороны. Несмотря на кризис в экономике, с легкой руки власти миллиарды выделялись на строительство новых защитных сооружений и приведение в порядок старых.

Сам Демьянов предпочел бы, чтоб эти деньги пустили на что-то другое. Спору нет, защита – дело нужное. Но как-то трусливо это, мелкотравчато – вместо того чтобы приводить в порядок ядерный меч, зарываться под землю в ожидании бомбежки. А ядерный арсенал постоянно съеживался как шагреновая кожа.

Объект под номером 28-В был крупнейшим за Уралом гражданским бомбоубежищем. Краем уха Демьянов слышал, что проект оценивался в сумму с шестью нулями в долларовом исчислении. Разумеется, кто-то отпилит от нее по сладкому кусочку себе, жене, свату, брату и т. д., как всегда у нас бывает. Но убежище все же построили, и не абы какое. Рассчитано оно было на укрытие персонала аж шести научных учреждений, находящихся в десяти минутах ходьбы от него.

Первоначально убежище и находилось на балансе некоего НИИ, но после каких-то пертурбаций городские власти, не мудрствуя лукаво, спихнули его ближайшей мало-мальски крупной организации. Той самой базе.

Время шло. Подобно многому в стране, объект лишился высочайшего внимания и начал приходить в запустение. Говорят, тушенка, сгущенка и пряники пролежали на складе НЗ всего один день, во время приемки объекта комиссией из Москвы, а после благополучно вернулись в столовую. Потом потихоньку исчезла солянка со склада ГСМ. За ней последовали лекарства из коллективной аптечки, а также все мало-мальски ценные и малогабаритные предметы. Стоит ли говорить, что никто не стал восполнять пропажи. Даже на двери и проводку давно заглядывался завхоз.

Самостоятельно поддерживать убежище в рабочем состоянии МУП «Автобаза № 4» не считала нужным, да и не могла физически. А из бюджета на это не собирались давать ни копейки.

В этот день тысячелетняя история державы, до сих пор по недоразумению занимавшей большую часть Евразии, должна была закончиться навсегда. Быстро и почти безболезненно.

Это была необычная война. Она не подразумевала ни постепенного стягивания сил к границам, ни долгих бомбардировок городов, ни изнуряющей морской блокады. Стране-жертве не позволялось провести мобилизацию, эвакуацию с рассредоточением, светомаскировку и развертывание гражданской обороны.

У нее не было даже права на капитуляцию. Кто принимает почетную сдачу в плен у дикарей? Ведь у обитателей Северной Евразии, как когда-то у аборигенов Северной Америки – ирокезов, шошонов или команчей, – не было никаких юридических прав на свои охотничьи угодья. Все договоры с ними суть клочки бумаги, филькины грамоты, соблюдать которые цивилизованному человеку нет нужды.

Так было запланировано. В учебники Вест-Пойнта эта операция должна была войти под названием «Black Thunder». И вошла бы, не поверни история в иное русло.

День 23 августа 2019 года от Рождества Христова должен был явить миру абсолютный блицкриг. С той разницей, что Гитлер начинал войну, не имея сорока тысяч сверхзвуковых крылатых ракет, из которых двадцать тысяч постоянно находились на боевом дежурстве. Но прогресс идет, и у новых покорителей восточных земель такой задел имелся.

Правда, и этим ракетам, которые так хорошо проявили себя в предыдущих конфликтах, отводилась роль второго эшелона. Быть всеокрушающим кулаком демократии предстояло не им и даже не боевым спутникам, к которым американский генералитет питал обоснованное недоверие со времен пшика «Звездных войн». Все-таки мишенью была не Сомали и даже не Сербия. Здесь требовалось средство более надежное и убойное.

После долгих штабных изысканий в Пентагоне решили не изобретать велосипед, а доверить эту почетную миссию баллистическим ракетам средней дальности, основательно доработанным старым добрым «Першингам-2», получившим кодовое имя «Немезис» и заметно улучшенные тактико-технические характеристики. Их главным преимуществом было малое подлетное время – меньше пяти минут. Компьютерные модели показали, что их массовый запуск гарантировал невозможность ответного удара с вероятностью, близкой к ста процентам.

Вытащенные из-под праха давно растоптанных договоров и расставленные по периметру обреченной страны, в марионеточных государствах-лимитрофах, три сотни этих птичек готовы были взмыть в небеса по первому сигналу. Вместе с морскими «Трайдентами» они готовились превратить российский ядерный арсенал в пыль.

Четвертая мировая – если считать Третьей противостояние НАТО и Варшавского договора – началась в полном соответствии с духом времени. То есть без объявления войны. К чему эта устаревшая формальность в XXI веке, когда просвещенное человечество сошлось во мнении, что недра принадлежат не тем, чьи предки раскинули над ними свои шалаши, а тем, кто больше сумеет из них выкачать?

В самом белом на свете доме повод нашелся легко. Для этого даже не пришлось ничего выдумывать. Достаточно было поманить русского медведя Крымом и Донбассом, как в свое время Хусейна – Кувейтом.

Благо почва для этого давно созрела, и в восточных областях Украины народ так устал от самостийников, что единство государства давно стало формальным. После небольшого торга был подписан секретный протокол, точная копия пакта Молотова – Риббентропа. «Мы признаем, что Левобережная Украина находится в сфере ваших геополитических интересов... Мы признаем ваше право размещать на ее территории воинский контингент со стрелковым вооружением, необходимый для поддержания правопорядка в регионе...»

Дальше все было как в июне сорок первого, с той разницей, что страна-жертва должна была предстать перед всей планетой как агрессор. Телевизор, изобретенный еще до Второй мировой, только в конце XX века превратился в страшное оружие.

Задолго до удара были составлены списки журналистов, которые получают аккредитацию в Пентагоне. Специальная команда с помощью компьютерной графики уже вовсю монтировала

сцены расправ русских «оккупантов» над мирным населением Украины, хотя ни один российский военнослужащий еще не пересек выдуманной границы, проведенной по живому.

Капкан был расставлен, ружье заряжено, собаки рвались с цепей, и только медведь спокойно потягивался в своем логове. Ему осталось недолго. Скоро на него обрушится вся мощь Свободного мира.

У страны, предназначенной на убой, не было шанса оправиться от нокаута, подтянуть резервы и броситься в последний бой с криком «За Родину!». Времена настали другие. Сама война стала иной. Теперь все решали мобилизационные возможности и даже не мегатонны боеголовок, а информация, координация, точность и скорость. А с ними у «этой страны», как презрительно величали ее либералы, были проблемы.

Глава 2

Объект № 28

Время Ч – 7.45

Из тамбура, открыв еще одну дверь, уже полегче и потоньше, майор попал прямо в длинный и широкий проход с трехметровым потолком, почти точную копию подземного перехода. Это был главный коридор, деливший убежище на две неравные части.

Подсвечивая себе мощным фонарем, майор шел по темному тоннелю, внимательно прислушиваясь к посторонним звукам. Ритмичный перестук капель или, хуже того, журчание воды – вот чего он опасался услышать. Но все было тихо, только из смыкавшейся сзади пустоты звук его шагов возвращался долгим гулким эхом. Да еще потрескивало, тихо похрустывало что-то вокруг, за стенами и над головой. Подземелье «дышало», откликаясь на вибрацию идущего по проспекту транспорта; где-то плескались грунтовые воды, отведенные в сторону дренажной системой, да медленно, по полсантиметра в год, проседали под собственным весом перекрытия.

Над головой, то исчезая в стенах, то вновь выныривая, сплетаясь и расходясь в стороны, тянулись трубы разного сечения и цвета – зеленые и белые, красные и коричневые, словно над ними поработал креативный дизайнер, пожелавший придать убежищу более жилой вид. Но не случайно их так раскрасили, и уж точно не для красоты. Каждый цвет соответствовал одной из систем жизнеобеспечения – отоплению, вентиляции, канализации и т. д.

Демьянов взял на заметку, что на некоторых трубах краска отслаивалась, а на других и вовсе слезла. Но поделаться ничего было нельзя, времени на нормальный ремонт не оставалось. Да и бригады маляров в запасе не было. Оставалось надеяться, что проверяющие не разглядят в темноте – плафоны под потолком висят редко, лампочки в них самые дешевые, сорокаваттные. Кстати, сами лампы наверняка придется менять. Но это нетрудно – потолки низкие, хватит и табуретки.

Вдруг серая тень с хвостом и лапками прошмыгнула мимо, чудом разминувшись с его ногой, обутой в тяжелый сапог. Демьянов выругался и замахнулся, чтобы прихлопнуть мерзавку, но крыса в последний момент отпрянула и быстро ушла в отрыв.

Вот, значит, кто шуршал по углам. Час от часу не легче. Хотя чего удивляться, если рядом столько жратвы! Хитрые твари. Их стаи организованы не хуже, чем иное воинское формирование, вот и проведали. Забрались по вентиляционным ходам и теперь, поди, лакомятся всем выводком. По-хорошему надо бы отравленные приманки разложить.

Хотя, минутку, с какой радости он должен заниматься дератизацией? Это что, его личный склад? В конце концов, это не его объем работы. Пусть работники этого ИЧП сами лезут и выводят этих тварей. Поворчав для порядка про паразитов, четвероногих и двуногих, – Демьянов давно стал замечать за собой привычку озвучивать эмоции, даже когда рядом нет никого, – майор тронулся в путь. Правда, под ноги теперь он смотрел внимательнее.

Внутренние перегородки в убежище были сделаны из усиленного железобетона. Справа за несгораемой стеной располагалось помещение для укрываемых. Это был прямоугольный зал площадью около полутора тысяч квадратных метров, разбитый четырьмя коридорами на пятьдесят отсеков вместимостью по сорок человек. В день «Ч» он мог принять две тысячи душ. А если потесниться – то и все три с лишним. Сидеть им там, конечно, пришлось бы на головах друг у друга, а спать на трехъярусных нарах в три смены. На каждого, даже если учитывать лавки, установленные в самом главном коридоре, пришлось бы всего по полквадрата пола. Но

в тесноте, да не в обиде, особенно если наверху будет твориться то самое. Да и не год же сидеть, как рисуют в некоторых фильмах и игрушках, а всего пару-тройку суток. Можно и потерпеть, не сахарные.

Демьянов хорошо помнил, что там внутри. Коридоры с некрашеными лавками вдоль стен напоминали плацкартные вагоны. Водонагреватель «Титан» в одном конце каждого из них и туалет в другом только усиливали сходство с поездом дальнего следования. А вот дощатые нары в секциях навевали мысли о совсем другом месте.

Конечно, эта ассоциация была попаданием в десятку. Ведь случись то, для чего это место предназначено, и все укрываемые лишились бы свободы на неопределенный срок. Зато сохранили бы жизни.

Коридор огибал зал с трех сторон, но попасть туда сейчас было нельзя. Демьянов лично убедился в этом, уткнувшись в опущенные рольставни, наподобие тех, которыми закрывают на ночь торговые павильоны.

Это уже работа съемщиков. Чертовы барыги. Им же говорили – никакой перепланировки, никакой самостоятельности! Ничего, подождем представителя фирмы.

А вдруг... черт, только не это! Демьянов только сейчас подумал, что тот вполне может не явиться вовсе. Тогда труба. Без него в помещение для укрываемых попадешь разве что с помощью приставов. Хотя в федеральном законе черным по белому написано, что съемщик должен обеспечить доступ соответствующим службам к объекту ГО.

Должен, да не обязан. Пока суд да дело, поезд уже уйдет. А на другой вариант – курочить двери ломом и врываться на чужой склад – полномочий у него не было. Проверяющие, конечно, будут метать громы и молнии, но они уедут, а вот начальство его точно по голове не погладит. Сдача этой ямы в аренду приносила базе каждый месяц солидную сумму. Поэтому Демьянов решил пока повременить. Если этот гад так и не появится, то придется начинать без него, надеясь, что у проверяющих руки не дойдут до запертого помещения.

Майор повернул налево, где за одинаковыми железными дверями, покрытыми облупившейся синей краской, – только на них уйдет банки три! – находились служебные помещения. Первые два из них – пункт управления и медпункт – состояли из пары смежных комнат, каждая площадью около пятнадцати квадратных метров.

Пункт управления. Отсюда директор, который в этом погребе ни разу не был, но по действующему законодательству являлся начальником гражданской обороны, должен был руководить всей жизнью убежища. Зал без излишеств – голые стены, плиточный пол, из обстановки только деревянный стол, несколько стульев, сейф, два стеллажа да рукомойник в углу. Никакого декора, ничего, что отвлекало бы от выполнения долга. Зато именно здесь располагался пульт управления гидравлической системой перекрытия воздухозаборников. В случае ядерной атаки отсюда можно было автоматически задраить усиленные свинцом ворота, а также за секунды «отсечь» убежище от всех коммуникаций, превратив его в полностью автономную крепость.

Раньше тут стояла даже система видеонаблюдения за периметром, но ее демонтировали от греха подальше, потому что могли найтись умельцы, способные под видом монтажников забраться под потолок подземного перехода и скрутить дорогостоящие камеры.

Связь обеспечивала старенькая УКВ-радиостанция и обычный телефон городской АТС с самым обычным семизначным номером. При желании можно было подключить даже Интернет и получить доступ ко всему разнообразию сетевого контента. Зато мобильники здесь, естественно, не работали.

В медпункте все было почти так же, за исключением того, что вместо систем связи и управления там должны были лежать коллективная аптечка и два фельдшерских набора со всем необходимым для операций в полевых условиях. В реальности там были несколько пачек ваты, пара баночек йода и зеленки да десяток стандартов просроченных антибиотиков. В пер-

вой из двух комнат работали бы медики, а во второй устроился бы лазарет на тридцать койко-мест.

Почему так мало? Сначала Демьянов считал, что в обстановке ядерного кошмара их понадобится в разы больше, но по здравом размышлении эту претензию снял. Никто не обяжет их спасать весь город – раз. Никто не будет занимать эти койки теми, у кого разыгрался насморк или понос, – два. И никто не станет класть на них безнадежных, у которых обожжено восемьдесят процентов кожи или третья степень лучевой болезни, – три. Только тех, кому нужно и можно помочь.

Дальше капитальную несущую стену убежища прорезал аварийный выход. Это был узкий и длинный бетонированный тоннель, который вел за пределы возможной зоны завалов. Демьянову он напоминал не то кроличью нору, не то тайный ход из средневекового замка. Майор помнил, что ему с его ростом надо нагибаться, чтобы, поднимаясь, не треснуться головой о выступающую балку.

Заканчивался лаз не менее узкой пожарной лестницей, которая выходила на соседний пустырь, где торчал ни к селу ни к городу бетонный «скворечник» с, казалось бы, намертво закрытым люком. Открыть его можно было только изнутри, с помощью специальной ручки.

Следующая дверь вела в помещение для хранения продовольствия. От него, собственно, осталось одно название. Сейчас, насколько Демьянов знал, там не хранилось ничего, кроме пыли, хотя продукты для обновления НЗ должны были выдаваться в столовой ежемесячно. «Ага, шас», – сказала бы на это заведующая. Да майор и сам не настаивал, понимая нелепость норм, принятых еще при царе Горохе. Ну у какой организации есть пятьдесят тысяч рубликов в месяц, если брать по нормативам, на «резерв» продовольствия непонятно для чего? Курам на смех.

За ним дальше по коридору находилась резервуарная. Здесь стояли вдоль стен десять трехсотлитровых железных баков, похожих на гигантские пивные банки.

Демьянов стукнул кулаком по рыжему боку первого из них.

«Дон!» – отозвался резервуар, и вибрация его стенок еще минуту сотрясала пустое помещение.

Пустой.

Только в последнем баке оказалась вода, но, отодвинув тяжелую крышку, Демьянов чуть не задохнулся от вони. Да... видно, воду налили черт знает когда и с тех пор сюда не заглядывали. Эту мутную, затхлую жижу сдохлыми тараканами и инфузориями требовалось слить и заменить на свежую воду, а саму емкость перед этим сполоснуть из шланга.

Но отнюдь не эти резервуары были главным источником питьевой воды для подземелья. Норму в три литра воды в день на человека должна была обеспечивать собственная артезианская скважина.

Это было относительно свежим нововведением. Более-менее массово оснащать гражданские убежища автономными источниками питьевой воды начали только в новом веке – возможно, взгляды на будущее после атомной войны стали более пессимистичными. Скважина была пробурена до водоносного пласта, который обнаружили при строительстве на глубине тридцать метров прямо под коридорами убежища. Выкачанная мощным насосом вода проходила через многоуровневую систему фильтрации, которая очищала ее от органических примесей, железа и солей, а также должна была обеззараживать и дезактивировать, что тоже было нелишним. Ведь ядерные осадки имели свойство проникать глубоко в почву.

Но скважина была законсервирована, и ее пуск не мог входить в программу проверки, так как требовал дополнительных работ по монтажу оборудования. Поэтому наполнять баки чистой водой надо было от городской системы водоснабжения. Для этого первым делом требовалось убежище запитать. Слесари, приходившие вчера, подключили его к коммуникациям, и Демьянову оставалось только открутить два вентиля, чтобы пустить холодную и горячую воду

в систему. С журчанием и бульканьем она пошла по трубам, смывая старые засоры. Он открыл кран, и, как это обычно бывает, сначала вода потекла ржавая и мутная. Майор подождал пару минут и только после этого начал наполнять баки.

Пока они наполнялись, майор отправился назад по коридору, чтобы еще раз визуально оценить состояние труб. Он надеялся, что нигде не будет сильных протечек. Слабые Демьянов собирался устранить сам, замотав эти места сырой резиной. Но трубы не подвели. Лишь в одном месте возле самой лестницы его ждала слабая струйка, в остальном их состояние было близко к идеальному. На совесть строили. Демьянов вспомнил, что как раз в том году натовские ВВС получили на вооружение новые сверхзвуковые ракеты «воздух-земля». Страх хорошо прочищает мозги.

Дальше, в западной части, шли технические помещения – щитовая, дизельная электростанция со складом ГСМ и фильтровентиляционная камера.

Не задерживаясь в пустом складе, Демьянов прошел прямо к мощной двери, ведущей к генераторному отсеку. Шестидесятикиловаттная ДЭС, как и скважина, не была объектом текущих проверок, но что-то подсказало майору позаботиться и о ней. Пять литров солянки – это капля в море, но на полчаса автономной работы хватит.

В соседней электрощитовой он, помолясь, опустил главный рубильник. На пульте тут же зажегся желтый огонек, сигнализируя о том, что энергия с районной подстанции подана. Теперь с этого же пульта можно было включить свет в каждом помещении. Демьянов щелкнул тумблером, отвечающим за этот зал, держа в голове мысль, что некстати отсыревший провод может сделать его козлом отпущения. В первое мгновение он так и подумал – лампа дневного света под потолком зажигалась с двухсекундным запозданием. Но затем комнату залило ровным бледноватым светом. Одновременно зажглись и тусклые лампочки в коридоре.

Следующим пунктом назначения была фильтровентиляционная камера. Там майор привел в действие установку ФВК-2, напоминающую большой сагогонный аппарат со множеством труб и патрубков. Он запустил ее в режиме чистой вентиляции – та принялась всасывать через воздухозаборники городской воздух, отравленный выхлопами машин. Демьянову сразу стало легче дышать, хотя минуту назад ему казалось, что он успел притерпеться к затхлому запаху убежища.

Порядок. Все системы жизнеобеспечения в норме. Еще немного, и убежище будет готово к приему дорогих гостей. Увы, это «немного» – не просто косметический ремонт, а настоящий аврал. Почему, спрашивается, никто раньше не касался этих гор мусора?

Но, прежде чем заняться генеральной уборкой, Демьянов решил все же выбраться к главному входу. Первая шлюзовая камера была почти точной копией второй, где он уже побывал, с той разницей, что двустворчатые ворота убежища занимали почти всю противоположную стену. Майор пытался открыть их с пульта в пункте управления, но тщетно, и он догадывался о причине.

Эти ворота, или лучше сказать «врата», под стать броне современных танков, были настоящим произведением металлургического искусства. Даже их вид вызывал уважение, а уж массой – четыре тонны стали и свинца – они могли бы соперничать с тремя солидными джипами или шестью малолитражками.

Приводилось это чудо в движение двумя трехсотсильными электромоторами. Вот именно, приводились... Раньше. Потому что самих моторов на месте, как он и предполагал, не оказалось. Одни пустые кожухи и обрывки проводов, уходящие в стену. Нашли движкам достойное применение, значит.

Теоретически ворота можно было открыть вручную, с помощью штурвала. Но так как им не пользовались все пять лет, это была работа для Геракла, и Демьянов счел за лучшее оставить их в покое. Ему на сегодня хватит тяжелого физического труда.

Так уж получилось, что суббота 23 августа – день, поделивший судьбу каждого из них на «до» и «после», – запомнился Марии Чернышевой именно тем, что начался как самый обыкновенный нерабочий день, разве что этих нерабочих дней у нее было не так много, и она искренне радовалась каждому. Машенька не была ни «жаворонком», ни «совой». В ней лучшим образом сочетались плюсы обоих типов при полном отсутствии их минусов. Природа наделила ее феноменальной приспособляемостью – она могла придерживаться любого режима и прекрасно себя чувствовать. Могла спать три часа в сутки, могла двое суток обходиться без сна и не клевать носом; но могла и проспять хоть полдня, если нужно было выспаться наперед, например перед ночной сменой или походом на дискотеку с расчетом зажигать там до утра. В существование бессонницы девушка не верила. Это казалось ей чем-то из области фантастики. Ну как это может у человека не получиться заснуть? Абсурд, да и только.

Вставать не то чтобы очень хотелось, но лежать было уже скучно. Так ведь и вся жизнь пройдет. Начинаясь день обещал быть интересным и наполненным новыми впечатлениями. Как и все Машенькины дни и ночи.

Все происходило в таком порядке. Девушка открыла глаза, потянулась, сладко зевнула, поворочалась с боку на бок, наконец, откинув одеяло, встала на ноги и выпрямилась. Росту в ней было около ста семидесяти сантиметров, может, чуть больше. Двигалась она с замечательной грацией здорового создания, сохранившего свою связь с природой и живущего в одном с ней ритме, без капли жеманства.

Затем она решила сделать несколько упражнений на растяжение – совсем немного, она никогда себя не изнуряла. По радио как раз заиграл какой-то бодренький мотивчик, под который только и можно, что делать зарядку.

Ноги на ширине плеч... И раз, два, три, четыре... Тянемся, тянемся, тянемся... Замечательно... Поворот... Раз, два, три, четыре... Теперь в другую сторону... Вот так, и еще... Довольно. Прекрасно.

Девушка смотрела на свое отражение в зеркале и подумала, что, наблюдай за ней кто-нибудь, ему вряд ли удалось бы остаться равнодушным. Еще в школе Чернышева немного занималась спортом, но потом поняла, что это – не для нее, ни к чему нагружать себя упражнениями и диетами; и уж тем более абсурдна мысль посвящать этому жизнь. Это уже будет каторга, тюрьма, в которой все расписано по минутам. А жить-то когда? Теперь ее занятия были сведены к пяти – десяти минутам в день, и этого вполне хватало, чтобы держать себя в тонусе.

Машенька подошла к окну и распахнула форточку. В комнату ворвался ласковый ветерок, немного пахнувший бензином, дымом и гудроном, – на проспекте шел ремонт, но в целом освежающий и бодрящий. Повинуясь порыву, она решила выйти на балкон.

Девушка вздохнула полной грудью. На улице было чудесно. После изнуряющей жары, которая началась в июне и, казалось, никогда не кончится, приятный легкий бриз казался долгожданным подарком небес.

Мир вокруг жил собственной жизнью, огромный и живой, меняющийся и неизменный. Машенька была его частью. Девушке представлялось, что если он и не создан для нее персонально, то предназначен для таких, как она, веселых и жизнерадостных людей.

Жизнь казалась Маше простой и приятной, как чашка утреннего кофе, как прогулка по летнему городу, как купание в речке жарким июльским днем или телефонный разговор со школьной подругой. Не забивая голову софистикой и казуистикой, Чернышева жила и наслаждалась этим процессом. Шестым чувством девушка понимала, что жизнь не настолько длинна, чтоб тратить ее на пустопорожние раздумья.

За окном день достиг своей наивысшей точки.

По проспекту проносились автомобили, сигнали на разный лад, слышен был и многоголосый, слитный гул шагов множества ног по нагретому солнцем асфальту тротуара. На лест-

ничной площадке привычно бранились соседки – две древние старушки, ровесницы какой-то давно забытой войны, которым их ссоры, похоже, продлевали жизнь. За стеной проснулся соседский ребенок, заголосил, требуя внимания, а может быть, просто материнского молока. Где-то орала дурным голосом кошка, также страдающая без внимания.

Во дворе, куда выходило окно второй комнаты – залы, как она ее называла, – заливались какие-то птички, из тех, что скоро отправятся к теплым морям вслед за туристами, стремящимися захватить бархатный сезон. Одна птаха словно старалась перекрыть остальных. Ее надсадное «фьють, фьють, фьють!», раздававшееся с равным интервалом в пять секунд, слегка действовало на нервы и в другой обстановке могло бы вызвать желание сделать что-нибудь с пернатой тварью, но в это прекрасное утро оно казалось как нельзя к месту. Машенька была не сильна в орнитологии и понятия не имела, как называется эта птичка, но ее пение, казавшееся таким беззаботным, почему-то вселило в ее сердце уверенность в том, что впереди – прекрасный и интересный день, полный новых впечатлений и, возможно, новых знакомств.

Да так оно, скорее всего, и будет. Катюша, ее бывшая одноклассница и лучшая подруга, которая должна зайти часиков в пять, навряд ли предложит ей провести этот день в библиотеке или музее. Скорее они купят чего-нибудь и вдвоем отправятся куда-нибудь, где можно будет кого-нибудь встретить и пропасть до самого утра. Но все, само собой, все в рамках благопристойности.

Однако сначала дела. Перво-наперво ей надо было заглянуть в ближайшее почтовое отделение и получить свой заказ. Подработка консультантом в «Международной ассоциации прямых продаж» не приносила особых доходов, но позволяла приобретать косметику для себя, любимой, с ощутимой скидкой, да еще и в кредит, с оплатой через десять дней. Говорят, что в Бразилии распространителей сети «Stratford-on-Avon» было больше, чем военнослужащих. Россия тоже приближалась к этому показателю.

Вот такие, в общих чертах, у нее были планы на выходной, выпавший в кои-то веки. Столько всего нужно было сделать. Главное, чтобы погода не испортилась. Хоть бы не было грозы, которой уже полмесяца пугали народ синоптики.

Она и так поднялась поздно, но шести часов сна ей хватило, чтобы восстановить силы. В пятницу Машенька отдежурила ночную смену в больнице и вернулась домой под утро, усталая, но не вымотанная. Работу свою она – редкий случай! – действительно любила, получая удовольствие от труда, который многим показался бы неблагодарным и, самое главное, мало оплачиваемым. Живи она одна, всей ее получки хватало бы только на квартплату плюс минимум продуктов. И это притом, что в еде она была непритязательна, обходясь без черной икры и предпочитая пиво вину и шампанскому. Периодически, конечно, зарплату ей, как и всем бюджетникам, повышали. Но через две недели после указа как по волшебству цены в магазинах и коммунальные тарифы повышались ровно настолько, что вся прибавка оказывалась съеденной.

Но девушка не роптала на судьбу, это было не в ее характере. Она была вполне довольна по двум взаимосвязанным причинам. Во-первых, деньги не были для нее главным, иначе она предпочла бы другую стезю делу последователей Эскулапа. Машу согревало осознание того, что ее работа приносит людям куда более реальную пользу, чем, к примеру, деятельность юриста или банковского служащего.

Ну а во-вторых, она жила не совсем одна, и ее личный бюджет гораздо сильнее зависел от цен на фрукты на городском рынке, чем от цен на нефть на мировом. Руслан был ее одноклассником, но вместо интернатуры и скальпеля выбрал прилавок. И не прогадал. Теперь он был представителем мелкого бизнеса с перспективой перехода в средний, не имел проблем ни с бандитами, ни с налоговиками и вполне подходил на роль спутника жизни. Они давно могли бы оформить свои отношения, но все как-то руки не доходили.

«Ничего, успеется, – говорила себе Чернышева, которая могла бы уже полгода называться Аскеровой. – Время есть».

Она никогда в этом не сомневалась. Разве может что-то помешать ее планам? Если только небо упадет на землю.

Это был самый обыкновенный день. Выходной. Большинство работающих людей, исключая бедолаг, вынужденных трудиться по субботам, ждали его с нетерпением, предвкушая время, которое можно провести с пользой для организма. Конечно, каждый вкладывал в эти слова разный смысл. И предвкушали разное. Кто поездку с друзьями на рыбалку, кто поход по магазинам, а кто – и таких оставалось немало – новый фронт работ на своих шести сотках, дань постиндустриальной цивилизации натуральному хозяйству. Но каждый был по-своему счастлив.

Все было как обычно. Телевиденье крутило глупые ток-шоу, интервью с какими-то дутыми «звездами» и скучными политиками, репортажи про то, как с каждым днем крепнет страна под мудрым руководством человека, фамилии которого месяц назад никто не знал. Они перемежались сериалами, по больше части отечественными. В большинстве из них спецназовцы или десантники, не мудрствуя лукаво, мочили бородатых террористов в сортирах, не забывая отвесить пинка иностранным агрессорам и их наймитам. Именно этот жанр потеснил бандитский эпос, угрожая окончательно занять его нишу. У этой эпохи были свои герои, и в ней не было места какому-нибудь Саше Белому, которого никто и не помнил. В нее не вписался и «Брат», который хоть и показывал Америке кузькину мать, но все же не годился в качестве образца для защитников «суверенной демократии». Слишком уж независим.

Еще были выпуски новостей. Хоть и не такие зрелищные, они были страшнее любого фильма ужасов, особенно если уметь читать между строк. Но Машенька не смотрела их принципиально. Нельзя сказать, что в своем оптимизме она была слепа. Иногда она чувствовала, что с миром, который ее окружает, что-то происходит. Он меняется, и не всегда лучшую сторону. Но все это было далеко и неправда. Все это не могло затронуть ее спокойный и надежный мирок.

Чернышева вышла из полутемного подъезда на улицу и окунулась в теплый океан летнего воздуха, согретого лучами августовского солнца. Если еще вчера от жары плавился асфальт и мозги у редких прохожих, а на капоте автомобиля, оставленного на солнце на часок, можно было изжарить шашлык, то сегодня температура была оптимальной. За день она упала градусов на десять. Похоже, осень наконец вступала в свои права, и уже не за горами были слякоть, первые заморозки, гололед, а там и суровая сибирская зима с метровыми сугробами, которой не страшно никакое глобальное потепление.

Дышалось легко. Маше казалось, что она перенеслась на средиземноморский курорт, где-то там, за домами, плескалось теплое море с пальмами по берегам. Если бы не серые девятиэтажки, которые еще не успели снести и заменить современными высотками, то иллюзия была бы полной.

Маша шла по залитым солнцем улицам города, который уже успел стать для нее родным и привык к ней так же, как она привыкла к нему. Она переехала в Новосибирск шесть лет назад, чтобы учиться в медицинской академии, и теперь чувствовала себя здесь как дома.

Тот, кто повстречал бы ее этим августовским полднем, увидел бы перед собой очень симпатичную девушку, на которой хочется задержать взгляд подольше, но которую трудно запомнить. Потому что подобных ей в тот же день увидишь не одну. Не мимолетное виденье, не блоковскую Незнакомку, а вполне реальную девчонку из плоти и крови, двадцати трех лет от роду, довольно крупную и явно находящуюся в хорошем настроении. На загорелой шее висел маленький кулончик с оберегом из оникса. Предписанный зодиаком камешек должен был «приносить удачу и защищать от воздействия темных сил». Пока эти силы девушку не беспокоили.

Ее волосы, от природы темно-русые, были осветлены на три тона, завиты совсем недавно и свободно спадали на плечи. Таким образом, Маша стала блондинкой не по капризу генов, а добровольно.

В кокетливой белой маечке, в синих джинсах с бахромой, которые сидели довольно плотно, Машенька смотрелась эффектно. Впрочем, обаяние молодости позволило бы девушке смотреться так даже в телогрейке, не говоря уже о вечерних платьях от кутюр, которых ей не приходилось надевать. Да и юбки она, надо сказать, не носила, предпочитая джинсы. В тот день у нее на лице был минимум косметики, но в ее возрасте надо постараться, чтобы выглядеть непривлекательно.

Солнце находилось в зените, когда Маша достигла перекрестка. С солнцем в эти дни творилось что-то странное. На нем действительно были пятна. Его активность была все рекорды, удивляя астрономов и обывателей. Двадцать первого числа полярное сияние наблюдали в Москве.

Вспышкой на далеком светиле, выбросившем из своих недр гигантские протуберанцы, теперь пытались объяснить все: и феноменальную жару в Сибири, и нового маньяка в Самаре, и скачки котировок на товарно-сырьевой бирже, не говоря уже о недавних трениях с правительством самостийной Украины.

Машенька шла по проспекту. Это был чудесный день. Солнце казалось ей похожим на огромный апельсин из рекламы сока. И никакой «висящей в воздухе угрозы», никакого смутного предчувствия, ничего из того, что так любят журналисты, не было. Никаких знаков приближения чего-то неотвратимого она не ощутила.

Да и не только она. Никто в Новосибирске, в Москве, в любом другом городе по всему земному шару не мог предполагать, что этот августовский полдень будет ознаменован событием, выходящим за рамки трагедий, на которые они привыкли спокойно взирать через телевизионный экран, попивая пиво, хрустя орешками и пребывая в твердой уверенности, что с ними подобного не произойдет.

Город жил своей жизнью, не ведая, что далеко-далеко – за дремучими лесами, за Уральскими горами, за солеными морями и океанами последние доводы разума разбились о стену упрямства. Последнее решение было принято. Начался отсчет.

Может, и к лучшему, что люди на улицах ничего не знали. Если бы их предупредили – что бы они могли изменить?

В этот день в нескольких храмах страны замироточили иконы. На не по человечески одухотворенных ликах проступили густые капельки смолы, похожие на кровавые слезы. Все можно было объяснить и без поповской метафизики – изменением температуры, влажности и давления. В понедельник про это должны были написать газеты: не на первой полосе, естественно, и даже не на второй. Для них в мире, где каждый день что-нибудь взрывалось или сгорало, существовали новости поважнее.

Время Ч – 4

Пока Сергей Борисович генералил, вычищая из убежища хлам, пролежавший нетронутым целую пятилетку, вынося не убранные строителями кирпичи, куски цемента и штукатурки, вываливая целые ведра песка и грязи, мысли его невольно перешли на сферу, занимавшую его все больше и больше в последние годы. На геополитику.

Для монотонной работы требовались только механические усилия мышц, голова была свободна, и он думал о настоящем и будущем своей страны.

Он думал о том, что для постсоветской России – стервятника о двух головах, выкормленного трупом великой державы, – наступают нелегкие времена. Потому что даже у тех, кто питается падалью, иногда заканчивается кормовая база.

Тридцать лет распродажи давали о себе знать. Нефть, редкоземельные металлы, уран грозились со дня на день перейти из категории экспорта в разряд импорта.

Газ? Но одним газом сыт не будешь. Уголь? Так его еще надо добыть и довести до потребителя. Синтетический бензин из него дорог, а разворачивать его производство влетит в копеечку.

Так что близился день, когда сырьевой империи самой пришлось бы закупать важнейшее сырье у соседей. Плохо быть «банановой республикой», на большей части территории которой не то что бананы – картошка не растет. А новые высокотехнологичные заводы – не картошка. Их за год не понастроишь, если двадцать лет кряду разваливали.

Да и мир вокруг не был пансионом благородных девиц. Он скорее напоминал камеру в обычной российской тюрьме – со всеми вытекающими общественными отношениями и нравами. И в этой «хате», думал майор, воров в законе нет, есть только потерявшие страх беспрельщики, для которых понятия имеют силу только до тех пор, пока им это выгодно. Тут нельзя расслабляться, а то поимеют.

Но на вызовы времени – укусы соседей, внутренние неурядицы или, того хуже, глобальные проблемы эпохи Вырождения – это государство реагировало со скоростью ископаемого диплодока. Где-то оно вело себя как слон в посудной лавке, а где-то – как Моська, неадекватно оценивающая собственные силы.

Генералы, как всегда, готовились к прошедшей войне. Олигархи выжимали последнее из скважин и заводов, готовясь, очевидно, продать их на металлолом и сбежать за бугор. «Олигархами» Демьянов считал не только главных акционеров частных компаний, но и руководство госхолдингов, в которые деньги уходили как в черные дыры. Политики готовились прикрыть свою задницу, по возможности переложив ответственность на военную или бизнес-элиту. И все вместе они плевать хотели на копошащуюся у ног массу, которую они благополучно загнали в стойло, откупившись малой толикой выручки от сырья, извлекаемого из недр.

Приметой времени Демьянов считал разговоры о «социальной ответственности бизнеса». Никто давно уже не требовал от воров вернуть награбленное. Вместо этого власть заставила их взять себя в долю и убедила народ, что он должен принять такой порядок вещей с ликованием. Ведь небольшой кусок пирога достанется и ему. В ответ от него требовалось закрыть глаза на беспредел и получать удовольствие. Авось что-нибудь и простому люду перепадет.

Держите карман шире, думал майор. Того и гляди, нефть самим придется у арабов покупать. Нет, новые залежи обязательно появятся. Этак через двести миллионов лет.

Из размышлений его вывел звонок будильника на мобильном телефоне.

Без десяти десять. Скоро придут «добровольные» помощники, пять человек, которых то ли по жребию, то ли за провинности направили сюда. Но Демьянов пожалел их и самую сложную работу все равно решил сделать сам. А они пусть замажут обнаруженные им щели в стенах специальной мастикой, там подкрасят, здесь подштукатурят, просто вымоют полы. На то, чтобы ликвидировать серьезные неисправности, времени не было. Оставалось надеяться, что, к примеру, до главных ворот глаза проверяющих не дойдут.

Вывалив на заросшем и захламенном пустыре последнее ведро мусора, Демьянов перевел дух, прежде чем снова нырнуть в подземный лаз. Перед глазами плясали круги, область между ребрами давала о себе знать легким покалыванием. Двадцатый за день подъем по вертикальной лесенке дался ему нелегко – а ведь всего двадцать ступенек. Сказывался возраст и отсутствие тренировок.

Нет, надо все-таки было тогда пролечиться в кардиостационаре. С сердцем шутки плохи. Ну, ничего, думал он, вот разберемся с текущими делами, возьмем отпуск, а там можно и на больничный.

Маша направлялась к подземному переходу под Университетским проспектом. Без него на другую сторону было просто не попасть из-за интенсивного движения.

Чернышева помнила, что, когда она училась на первом курсе, проспект вдруг перекрыли на всем протяжении, вроде бы для планового ремонта. Весь транспорт пустили по объездной дороге, и в Академгородке появились пробки, почти как в столице. На проспекте же – или под ним? – развернулось какое-то крупномасштабное строительство, которое никак не могло укладываться в ремонт дорожного покрытия. У заинтригованных жителей района стали появляться разные предположения, одно бредовее другого. То ли там нашли нефть и бурят скважину, то ли строят подземное казино со стриптиз-баром, то ли просто все деньги распилили еще в Москве и теперь ищут, кто виноват. Вернее, кого сделать виноватым. К последней версии склонялось большинство. Потом долгострой закончился, дорогу открыли.

Машенька уже собиралась сбежать вниз по ступенькам, когда из сумочки послышалась мелодия. Допотопная «The Final Countdown» в аранжировке новой трендовой группы.

– Алле! Русланчик, ты?

Они разговаривали минут десять. Ничего важного, обычная житейская суета. Руслан рассказывал ей о делах, она делала вид, что слушает с интересом. Потом вдруг в трубке раздался треск и звук начал пропадать, так что можно было разобрать меньше половины слов.

А про самое важное Машенька еще не спросила:

– Алло! Ты когда приедешь? Когда? Я не поняла! Алло!

– ...Маша, где ты потерялась?.. Маша... Я... – Дальше ничего не было слышно кроме треска и бульканья.

Будто кто-то голодный сидел в трубке, громко хрустя и чавкая печеньем.

– Аллю, Руслан! Тебя не слышно. Не слышно тебя! Перезвони! Я говорю, ты перезвони, я не могу!

На счете у нее был круглый ноль, до зарплаты две недели, а ей еще нужны были деньги на выходные. Можно было говорить и в кредит, но такие звонки по этому тарифу оплачивались с двадцатипроцентной прибавкой к стоимости.

Она ждала долго. Целых две минуты. Потом махнула рукой на переplatу, нажала пальчиком одну-единственную сенсорную кнопку на дисплее и приготовилась услышать знакомый голос.

Не тут-то было. Голос был знакомый, но совсем не тот.

«Номер не существует» – равнодушные слова робота долетали до нее издалека, сквозь какой-то плотный и обволакивающий шум.

Да что за ерунда? Как это «не существует»?!

Она повторила попытку, потом еще раз, но результат был прежним.

– Ну, мать твою, – не выдержала Машенька. – Ну, зараза, отвечай! Ну!

Нет ответа. Да что за дела? Что творится сегодня со связью?

Нехорошая догадка закралась в ее сердце.

Она набрала номер еще раз и дождалась английского сообщения. Но бесстрастный голос вдруг замолк, смешно квакнув, прямо на середине фразы: «The number you have dialed...»

А потом воцарилась тишина. Теперь не отвечал даже робот.

Она начала предполагать самое худшее. Неужели...

Коммуникатор паленый! Ну, Катька, ну, змея. А говорила, «белая сборка», made in Finland, только привезли... Гадюка. Нехорошая догадка превратилась в уверенность, когда все пятнадцать сетевых телеканалов показали черный экран. Уж эти никуда не могли деться. Они были доступны даже тем, у кого нет «симки», – добрые рекламодатели сделали их просмотр бесплатным.

Действуя по наитию, девушка проверила сигнал.

Сигнал отсутствовал.

Ни одной «полосочки». Ноль. Пусто. Это что-то новенькое.

Странно. В последние годы сложно стало найти глушь, где не ловили бы телефоны. А тут все-таки не Кузнецкий Алатау, в городе ретрансляторы на каждом шагу.

Так какого хрена, спрашивается? Дрянь дело. Точно сгорел.

Надо сказать, что за два десятилетия, отделяющие Машу от эпохи Джорджа Буша, технологических прорывов, сравнимых с открытием паровой машины, сделано не было. Они не маячили даже на горизонте. Лучшие умы мира давно переехали из конструкторского бюро в отдел сбыта и вместо открытия новых принципов занимались шлифовкой уже существующих для максимального ублажения Его величества Потребителя.

И все же большая часть человечества верила в прогресс. В основном потому, что ей регулярно о нем напоминали. Оказывается, пиар-кампании с успехом заменяют научные изыскания, требуя на порядок меньше денег.

Фантасты, как обычно, попали пальцем в небо. По улицам не замаршировали колонны клонов, в головной мозг не были вживлены микрочипы. Не было создано панацеи от рака, нанотехнологии так и остались бездонной кормушкой для чиновников от науки. Широко разрекламированный проект «AI» оказался липой – «искусственный интеллект» ловко имитировал человеческое мышление, но это было подражание, способное вести в заблуждение только недалекого собеседника. Сознанием в полном смысле слова машина не обладала, что легко подтверждалось постановкой абсурдного вопроса вроде «Почему Ленин ходил в ботинках, а Сталин – в сапогах?» Чувства юмора кремневые мозги были лишены начисто.

За последние тридцать лет облик городов и ритм жизни почти не изменился, но все же оставались области, в которых поступательное движение человеческого разума было еще заметно. К ним относилась и сфера телекоммуникаций. Они развивались волей-неволей, ведь продолжающееся усложнение социума требовало все более изощренных методов контроля.

Люди оглянуться не успели, как еще в начале века киберпанк сбывался почти на сто процентов, наголову разбив «космическую оперу». Пыльные тропинки далеких планет остались нетронутыми. Яблони на Марсе не зацвели. Зато, убедившись, что космос мертв и пуст, человечество от обиды замкнулось в себе, приняв жизнь в режиме on-line как замену звездолету. Там вполне можно было гонять те самые корабли по виртуальной галактике.

В новом веке были свернуты почти все программы по исследованию околоземных и космических пространств, кроме суливших немедленную выгоду, вроде орбитального «Хилтона». Впрочем, и его не достроили. Помешал глобальный кризис, разразившийся в начале второго десятилетия. Вместо этого усилия лучших умов сконцентрировались на повышении производительности микропроцессоров, цифровых технологиях и увеличении пропускной способности сетей.

Образчик таких технологий и держала в руке наша героиня. Она использовала его возможности меньше чем на одну десятую – так же, как мы свой головной мозг. Девушке было лень разбираться с компьютерными премудростями, она предпочитала реальные развлечения виртуальным. Для нее это был просто комм, и ей было до лампочки, какие там внутри чипы и платы и сколько светлых голов билось, чтоб сделать это устройство эффективным, элегантным и миниатюрным.

Времена, когда возникали проблемы с приемом и качеством связи, отошли в область преданий. Поэтому, когда случилась эта беда, Машенька не на шутку струхнула. Не испортилась ли ее «Nokia»? Хоть и не самая пафосная модель – с ее зарплатой не размахнешься на «Vertu» с платиновым корпусом, – но все равно штука недешевая.

Девушка готовила себя к худшему.

Время Ч – 1

Они прибыли с небольшим опозданием, как и положено представителям надзирающего органа. Машина – казенная черная «Волга» из тех последних моделей, у которых половина комплектующих импортные, а внешний облик принесен в жертву традиции, – плавно вырулила с проспекта и остановилась на паркинге по соседству. Из нее вышли двое, оба с погонами Министерства чрезвычайных ситуаций – сначала худощавый старший лейтенант лет двадцати пяти при дипломате черной кожи, затем грузный приземистый генерал, в котором Демьянов, к своему изумлению, узнал Виктора Захаровича Прохорова, зама начальника управления. Лично они знакомы не были, но слышал о нем Сергей Борисович разное, и больше плохого. Ну да ладно, не детей же с ним крестить.

Вот и вся комиссия. Что ж, меньше народу, больше кислороду. Тем более для убежища это верно и в прямом смысле.

Несмотря на жару, гости надели поверх кителей кожаные куртки. Это они правильно, внизу не Сахара. Вот только одежду можно бы выбрать попроще, чтоб не жалко было запачкаться.

– Здравствуйте, – приветствовал их майор без всякого трепета, поскольку не чувствовал ни грамма волнения.

– Доложите по форме, – смерив его равнодушным взглядом, произнес лампасник.

– Начальник отдела ГО и ЧС муниципального унитарного предприятия «Автобаза номер четыре» майор запаса Демьянов для проведения осмотра защитного сооружения прибыл.

– Не юродствуйте, не на параде, – укоризненно покачал головой генерал. – И не путайте, это я прибыл для осмотра, а вы – для отчета. Ладно, показывайте свой объект, товарищ бывший майор, – на последней фразе он сделал акцент. – Вам же лучше, если все в норме, потому что времени у меня на вашу базу час. Мне еще сегодня восьмерых таких «руководителей» проверять.

«А вы, батенька, хам», – подумал Демьянов, хотя и знал, что генерал в чем-то прав.

Начальник отдела гражданской обороны. Да уж, ба-а-альшой начальник. Назвать себя этим словом он мог только с изрядной долей иронии. Тоже мне, вершина карьеры – командир виртуального подразделения и комендант заброшенных катакомб площадью две тысячи четырехста квадратных метров. Отставной козы барабанщик, бляха муха.

«А ведь все у тебя могло быть по-другому», – кольнула его неприятная мысль. – Если б ты в свое время...»

Надрывный вой, заполнивший все вокруг, заставил его скривиться в гримасе. Он продолжался целую минуту. Один из электрических ревунов, видимо, располагался совсем близко и бил по ушам так, что барабанные перепонки грозили полопаться. Затем на секунду-другую стало тихо, и тут же неприятный звук раздался снова, но уже в соседнем квартале, чуть слабее. И так по цепочке, удаляясь от них, пока не затих вдали.

– Это еще что такое? – спросил Сергей Борисович, когда звон в ушах немного утих.

– Общая проверка средств оповещения, – равнодушно ответил Прохоров.

– По всему городу, что ли?

– По стране. В рамках объявленного президентом месячника гражданской защиты. Плохо вы информированы.

– Народ-то предупредили? – с сомнением в голосе спросил Демьянов.

– Бегущей строкой в утренних новостях и по радио, – кивнул генерал. – Да пусть держатся в тонусе. Лучше перебдеть, чем недобдеть. Пойдемте уже! Хотите тут до вечера торчать?

Сирены должны были переполошить жителей окрестных домов и разбудить тех, кто в это субботнее утро собирался отоспаться за всю рабочую неделю. Но повысит ли это их бдительность? Как знать... У Демьянова были сомнения на этот счет.

Представитель фирмы так и не появился. Сергей Борисович мстительно пожелал ему попасть в любую заваливающую ЧС, хотя бы в лифте застрять, а сам повел комиссию проторенным путем, каким попал в убежище ранее. Не через аварийный же их тащить. Главные ворота они открывать не потребовали, с чем начштаба себя мысленно поздравил. Не хватало еще начинать проверку с обнаружения пропажи моторов.

Возле лестницы он, пропустивший было генерала вперед, предусмотрительно обогнал того и начал спускаться первым, показывая дорогу. Еще грохнется персоне со ступенек, потом проблем не оберешься. Но бог миловал, и до ПУ они добрались без приключений, лишь генерал разок задел боком стенку и слегка испачкался в известке.

Оказавшись внизу, оба незваных гостя поежились, скорее не от холода, а от резкого перепада температуры. Горячую воду в систему отопления уже дали, но, чтоб огромное помещение успело прогреться, был нужен не один час.

– А скажи, товарищ начштаба, – генерал незаметно перешел на «ты», – почему у тебя на объекте такой собачий холод?

– Отопление рассчитано не на поддержание комфортной температуры, а на обеспечение нормального функционирования оборудования, – нашелся Демьянов. – То есть чтоб вода в трубах не замерзала и все остальное не барахлило.

– А зимой? Тут же все околеет к ядреной матери.

– Надышим. – Майор отметил про себя, что проверяющий не знает элементарной вещи: в случае удара все внешние коммуникации и так отрубятся. – Есть еще калориферы, но это на крайний случай. Они энергии много потребляют.

Генерал только фыркнул:

– Ну так включите их немедленно. Считайте, что этот случай наступил. Нечего нас морозить.

Пришлось подчиниться. Автобазе придет порядочный счет за электроэнергию.

В пункте управления Сергей Борисович на правах хозяина начал «накрывать поляну». Из сейфа появилась и была разложена на столе выпивка и закуска – бутылка «Белого аиста», блюдо с нарезкой: сервелат, ветчина, сыр, красная рыбка, а с ними рядом порезанный хлеб и банка с маринованными огурцами.

– Это еще зачем? – нахмурился генерал, но явно только для порядка, так как глаза у него заблестели. – А в сейфе храните, чтоб звено ваше не позарилось?

И он опрокинул в себя первую рюмку, закусывая большим куском лососины.

«Звено» состояло из двух механиков, двух дворников и диспечерши, которые, похоже, жалели о том, что находятся не на своих обычных рабочих местах. Грязные, усталые и злые, они явно мечтали о том, чтобы это скорее закончилось и их отпустили домой. Но распоряжение директора было недвусмысленным – всем ждать окончания проверки, не расходиться на случай, если комиссии вдруг понадобятся и они.

Их присутствие, в общем-то, не требовалось, но руководитель решил перестраховаться. Вот они и коротали время в соседнем медпункте, наливая чай и отдыхая после нелегкого субботника. Естественно, угощение было заперто на ключ не от них. Но не рассказывать же про нашествие серых тварей, ей-богу? Лучше вообще уморить их своими силами, чтобы не будить лихо в виде еще одной проверки от санэпидстанции.

Быстро перекусив и вымыв руки, проверяющие принялись за работу. То ли благодаря работе воздухонагревателей, то ли из-за нескольких рюмок водки, но им стало теплее. Сам Демьянов счел за лучшее к выпивке не притрагиваться.

– Итак, Сергей Борисович, что мы имеем? – Генерал протер лысину под фуражкой и уперся локтями в низкий стол. Стул под его сиденьем тоже был неудобным и маленьким для его габаритов.

Демьянов до последнего надеялся, что пронесет, «ревизор» окажется нормальным мужчиной, который все по-человечески поймет и закроет глаза на то, что никем не соблюдалось даже в советские времена. Они ведь и так сделали немало, а во многих убежищах и дверей нет. Но неприятное предчувствие не покидало Сергея Борисовича. Он слишком хорошо знал предел восхождения по служебной лестнице, после которого оставаться «нормальным» так же невозможно, как верблюду протиснуться сквозь игольное ушко.

К тому же вряд ли это будет обычной формальной проверкой. Слишком уж они беспокойные. Да что у них там стряслось?! Если одновременно затеяли мероприятия по всей стране, значит, волна идет с самого верха. Спрашивать будут строго, и вряд ли стоит надеяться, что разносолы смогут их смягчить.

– Ладно, начнем помаленьку, – буркнул генерал. – Давайте сюда паспорт.

Демьянов уже было потянулся во внутренний карман, когда сообразил, что речь идет не о его удостоверении личности. Стыдно! Забыть про самый главный документ убежища: его паспорт. Еще бы не забыть, если за два года работы он ни разу не понадобился.

Сопровождаемый рыбьим взглядом генерала, он открыл сейф и извлек на свет божий красную пластиковую папку, в которой была вложена прошитая пачка поблекших от времени листов. Сергей протянул ее Прохорову, но тот только бегло пробежался глазами по рядам строк, хмыкнул и передал сопровождающему.

– Убежище инвентарный номер 28-В расположено в р-не Академгородка г. Новосибирска, класс защиты 3, отдельно стоящее, подземное, находится на балансе муниципального унитарного предприятия «4-я городская автобаза». Защитное сооружение передано в аренду ИЧП «Мухамедзянов» по договору номер... В мирное время объект используется в качестве складского помещения...

– Достаточно, – прервал его генерал. – Погляди тут сам, а я пока схожу... проверю исправность систем жизнеобеспечения.

– Прямо по коридору, последняя дверь направо, – подсказал Демьянов, надеясь, что в единственном санузле, который был приведен в порядок, гостю не кинется под ноги килограммовый крысак.

Вернулся главный проверяющий только через четверть часа.

– Все в порядке, Захар Петрович, – отрапортовал старлей, успевший за это время посмотреть и технические документы.

– Неужто? – переспросил генерал слегка разочарованным тоном.

Они переглянулись. Возникла небольшая пауза.

Прохоров сидел, потирая подбородок. На его одутловатом лице ничего нельзя было прочесть, но Демьянов легко истолковал заминку. Гладко было на бумаге. Слишком гладко. Ни к чему не придерешься. А проверять самую любую систему визитерам лениво. Там темно, грязно и холодно. Но у них тоже имеется свое начальство, вплоть до Москвы, и оно требует результатов. В том числе выявленных нарушений и штрафов. Поэтому и чешут репу – не знают, что делать. Чтобы досконально проверить эти коммуникации, понадобится как минимум день. Все, что они могут сделать, – это прикинуть на глазок.

Пока его молодой помощник заполнял бумаги, генерал откровенно скучал. Судя по всему, он ни черта не понимал в устройстве защитных сооружений и вдобавок жутко куда-то торопился.

– Ладно, Тимур, давай по пунктам пробежимся.

Получив от помощника листок и ручку, Захар Петрович быстро черкнул несколько слов и протянул Демьянову. Наполовину заполненный бланк походил на аттестат зрелости троечника:

«Лицо, ответственное за содержание убежища, – Демьянов С. Б.

Состояние системы водоснабжения – удовлетворительно.

Состояние системы вентиляции – удовлетворительно.

Состояние системы энергоснабжения – удовлетворительно.

Состояние системы канализации – удовлетворительно.

Общее состояние защитного сооружения (конструкции, протечки, герметичность) – удовлетворительно».

Демьянов пробежал страничку глазами и почувствовал укол обиды. Чисто по-человечески было неприятно. Он-то вложил в эту яму столько сил. Могли хотя бы посмотреть... Но эта ребяческая мысль была тут же им отброшена. Приняли, и на том спасибо! Не стали мы образцово-показательным убежищем, ну и переживем.

– Вот так. – Генерал поднял на него неживые блеклые глаза. – Вроде бы все. Или все-таки чего-то не хватает? Как считаете?

– Думаю, все, – кивнул Сергей Борисович.

– Может быть... – хмыкнул Прохоров. – А может, и нет. У вас на объекте ведь есть внутренняя система телефонной связи? Вот и продемонстрируйте, товарищ начальник штаба.

Сукины дети. Думают, проводам давно ноги приделали? На них действительно покушались все кому не лень, видя в них только шестьдесят пять кило дефицитной меди, но майор каким-то чудом их отстоял. И теперь это его спасло.

Демьянов послушно повернул тумблер переключения на внутреннюю сеть и поднял трубку, набрав «03». По забавному совпадению это был номер здравпункта. Телефонизированы были все главные узлы убежища.

– Пост номер один, – на ходу придумал он позывной. – Проверка связи. Как слышите меня?

– Слышим вас нормально, – тут же бодро ответили ему и тут же скороговоркой добавили: – Борисыч, сколько можно? Жрать охота, и вообще, ты нам говорил про три часа, а мы тут уже пятый кукуем. Совесть поимей, в следующий раз один все будешь делать.

Хорошо, что у телефона не было режима громкой связи.

«Что, съели? – злорадно подумал Демьянов. – Тоже, поди, свой план по взысканиям выполнить охота? А времени мало, вот и торопитесь. Давайте, проваливайте быстрее, здесь вам ничего не обломится».

– Так-так-так. – Прохоров листал многостраничный закон об укрытиях и убежищах, скептически глядя на потеки на трубах.

Чуть дольше его взгляд задержался на трещинах на стыке стены и потолка, которые просматривались сквозь слой мастики, но этого было недостаточно для серьезных претензий.

– Вижу, все в порядке... А, чуть не забыл. Тут же у вас скважина есть. Нацедите мне боржоми. Или на худой конец эссенуки.

Демьянова не обманули его дурашливые интонации.

– Насколько я знаю, проверка насосного оборудования не входит в план, – не растерялся он.

– А вот здесь вы ошиблись, – резко возразил Прохоров. – Есть распоряжение по округу немедленно привести в готовность системы автономного водоснабжения убежищ.

– К какому числу?

– Немедленно, значит «вчера».

– Но нас не известили, – запротестовал Демьянов.

– Еще как известили. Телефонограмму отправили сегодня утром.

Смешно. Даже если бы он ее получил, им бы физически не хватило времени запустить агрегат. Это не говоря уже о недостающих деталях гидронасоса, которые хранились на складе фирмы-субподрядчика. На другом конце города.

– Так-так. Разобран, значит, – в голосе генерала Демьянову слышались издевательские нотки. – Будем составлять акт о нарушениях. А у вас ведь еще генератор должен...

И в этот момент в бункере погас свет. Стало темно, как бывает только под землей, где нет иных источников света, кроме искусственных.

Глава 3

Когда все решают секунды

Настроение у Маши было настолько хорошим, что его не мог испортить даже такой досадный случай, как поломка телефона. А то, что десять минут назад к ней чуть не прицепился милицейский патруль, она и вовсе восприняла с юмором.

Трое стражей порядка у входа прочесывал глазами толпу в поисках возможных источников угрозы. В эти смутные дни она могла исходить от кого угодно, поэтому нервы у милиционеров были на пределе, а автоматы наготове. После майских событий в столице по отделениям разослали ориентировку на десяток потенциальных террористов и террористок.

Взгляд лейтенанта на долгих пять секунд задержался на Машеньке. Причиной такого внимания был не ее антропологический тип – несмотря на довольно смуглую кожу, на мусульманку она никак не походила. Все объяснялась проще. Трое патрульных были ребятами молодыми и заскучали от несения службы, да еще в субботу.

Взгляд был пристальный, изучающий. Он словно бы обыскал ее с пристрастием, ощупал с головы до ног и только после этого продолжил сканирование толпы. Все у девчонки было на виду – никакого пояса не спрячешь. На анархистку-антиглобалистку она не тянет и подавно. К этим товарищам все больше идут истеричные барышни, у которых в обычной жизни ничего не клеится. Эта не такая. Нормальная девка. Единственный взрыв, которым она может угрожать обществу, – демографический, ха. Но это не в ведении органов внутренних дел.

Машенька спустилась по чисто подметенной, возможно, даже вымытой шампунем лестнице в прохладный полумрак подземелья. Лестница была длинной – в полсотни ступеней.

Никакого сумрака внизу не оказалось. Там было светло как днем. Коридор на всем протяжении освещался яркими люминесцентными панелями, свет которых почти не отличался от солнечного. Но далеко впереди, в конце тоннеля, виднелся, как и полагается, свет уже настоящий, дневной.

Переход был широк, и свободное пространство под землей использовалось на благо коммерции. Вдоль обеих стен тянулись нескончаемые ряды витрин, предлагавших много разнообразия, приятных женскому сердцу: бижутерия, косметика, разные тряпочки, то, что называют модным словечком «аксессуары», разные мелкие безделушки, которым трудно найти применение даже самому пытливому уму. Машенькин взор, не останавливаясь, скользил по ассортименту виртуальных игр и китайской электроники, игнорировал новомодные виртуальные прилавки, ненадолго задерживаясь на «золотых» украшениях и стеллажах музыкальных киосков и значительно дольше – на помадах, тушах, лаках и прочих примочках для разных участков тела. В человеке все должно быть прекрасно, как правильно сказал какой-то умник. Покупать она ничего не собиралась, но ей было интересно все посмотреть, потрогать и прицепиться.

В коридоре пахло пластиком, краской и почему-то беляшами. Запах химии был слаб и совсем не раздражал, а, наоборот, вызывал приятные, хотя и неосознанные ассоциации с наведением чистоты и порядка.

Следуя за манящим ароматом беляшей, Маша приблизилась к аккуратному киоску с одноименным названием и купила у чистого, опрятного продавца нерусской наружности два горячих чебурека, одну самсу и стакан чая. Цена ее приятно удивила. В палатке на остановке те же самые чебуреки были дороже на рубль, но раза в полтора меньше, да и фарша в них явно не докладывали.

Прямо напротив киоска в стене располагалась массивная металлическая дверь метра два высотой, закрытая железной решеткой, которая не имела снаружи никаких признаков замка. На ней аршинными красными буквами было выведено: «28-В».

Будь девушка полюбопытнее, ее бы это заинтересовало, куда может вести эта дверь? И что означает номер на ней? Но, зная Машеньку, можно догадаться, что она не стала забивать этим голову. Вместо этого она устроилась там же за маленьким столиком и немедленно съела один чебурек и острую, переперченную самсу, запивая все горячим чаем.

Чернышева была свободна от большинства предрассудков, в том числе и от тех, что касались диет. В то время как миллионы ее сверстниц старались приблизиться к недостижимому идеалу, она ела то, что ей нравилось, в таких количествах, в каких ей хотелось, и не делала трагедии из лишних калорий, справедливо полагая, что лишними они не будут. На самом деле, при Машином ритме жизни ей требовалось большое количество энергии, чтобы восполнять ежедневные расходы. Не из воздуха же ее брать.

А то, что она не подходила под параметры 90-60-90, это уже не ее проблема, а тех, кто эти параметры придумал. Она еще ни разу не встречала парня, который гневно бросил бы ей в лицо: «Похудей, или мы расстанемся». Абсурд. Мужчина – не собака, на кости бросаться не станет. Женщина, впрочем, тоже.

Аппетит у нее всегда был отменный, не стал исключением и этот день. Действительно, с чего вдруг? Ну, подумаешь, забарахлил коммуникатор. Тоже мне, конец света. Чтобы выбить Машеньку из колеи, требовались средства посильнее.

Вытерев губы и ладошки салфеткой, девушка продолжила свой променад. Один чебурек был аккуратно завернут в пакетик и положен в сумку, про запас.

Жизнь прекрасна.

И в этот момент все лампы под потолком синхронно погасли.

Время Ч – 30 минут

– Что за?... – вырвалось у всех троих одновременно.

Майор первым пришел в себя и зажег аккумуляторный фонарик, предусмотрительно оставленный под столом.

Как вовремя, блин! Все летело к черту на рога...

Надо быстро принимать решения. Вроде бы ему грех жаловаться, ведь, как-никак, именно чрезвычайные ситуации – его профессия. А им свойственно случаться тогда, когда меньше всего ждешь. Но почему именно сейчас, едрит твою мать?

Секунды не прошло, а Демьянов уже прокручивал в голове возможные причины «конца света». Лампа, выработавшая свой ресурс лампа. Проводка. Веерное отключение. Авария.

Он поднял микрофон внутренней связи и еще раз вызвал медпункт:

– Пост номер один. Доложите обстановку.

– Пункт управления. Обстановка нормальная, – голос пожилого электрика показался майору растерянным. – Вот только темно, блин. Что будем делать?

– Оставайтесь на месте, сообщайте обо всех изменениях. Отбой, – сказал майор совсем другим тоном.

Так, уже легче. Электричества нет во всем убежище, а внутренняя линия исправна. От этого и танцуем... Что-то случилось, но не у нас, а снаружи. Демьянов поднял трубку городского телефона, собираясь набрать номер коммунальной службы, но гудков не было. Не было даже треска и шипения, которые обычно слышались в этом допотопном аппарате. Тишина.

Глаза медленно привыкали к полумраку, и вот уже майор мог разглядеть людей, собравшихся за столом. На лице генерала было написано едва скрываемое торжество. Его сопровождающий, которого Демьянов мысленно окрестил «адъютантом его превосходительства», бестолково вертел в руках папку с документами. Оба смотрели на него.

– Товарищ генерал, электричества нет. Городская телефонная связь не работает. – Сергей Борисович опустил трубку на рычаг и посмотрел на главу комиссии, лицо которого было подсвечено огоньком сигареты, что даже не строго, а строжайше запрещалось.

– Не мои проблемы, – отмахнулся тот раздраженно. – Делайте что хотите, но чтоб дали немедленно. Мне в три уже надо в управлении быть.

«Я что, похож на Чубайса? – подумал Демьянов. – Видимо, у нас действительно ЧС. Если это авария на подстанции, то света не будет еще долго».

Он и представить не мог, что его предположение станет пророческим.

– Семеныч, – снова вызвал он пост. – Отправь Василия, пусть запустит генератор. Фонарь лишний есть? Отлично. Сам поднимись наверх, позвони с мобильного в ЖЭК. Спроси, что у них стряслось и когда, наконец, дадут электричество. Да, скажи, объект государственной важности. Бегом давай!

Демьянов поймал себя на том, что не просит по-дружески, а приказывает.

– Звоните хоть Патриарху Московскому и всея Руси, – процедил сквозь зубы генерал, нервно поглядывая на часы. – Только в темпе, в темпе.

Демьянов на эту реплику не прореагировал, только невзначай подумал, что в темноте никто бы не заметил, если бы он показал генералу средний палец. На приведение убежища в готовность полагается двенадцать часов.

Они стали ждать.

Через долгих пять минут раздалась трель внутренней связи.

– Это не у нас, – сообщил запыхавшийся дежурный. – Света нет во всем районе. А может, и в городе, не знаю. И связи никакой. Ни один сотовый не ловит, городские ни у кого не работают. Даже радио не принимает.

У Демьянова на мгновение отлегло от сердца. Значит, его вины нет. И тут же накатило предчувствие, нехорошее, тягостное. Словно могло произойти что-то в сто раз хуже, чем выговор или штраф.

Либо это дурацкое совпадение и неисправность на подстанции или обрыв ЛЭП случились как раз в тот момент, когда они затеяли эту чертову проверку. Либо... либо это что-то посерьезнее аварии в энергосистеме Новосибирска.

– На проспекте какая-то чертовщина, – продолжал электрик. – Пробка до самого перекрестка, транспорт не ходит.

– Пробка? – переспросил Демьянов.

– Ага, – подтвердил Семеныч, но тут же поправился, словно вспомнив про субординацию: – Так точно.

Хотя о какой субординации речь? Он ему не начальник, да и полномочий у него нет. Одна видимость.

– Хорошо. Будьте на связи.

– Какая на хрен пробка? – всколыхнулся генерал, вслушивавшийся в их разговор.

Демьянову было не до него. Его мозг лихорадочно работал, анализируя ситуацию. Нет электричества. Не могут завестись машины. И связи нет. Чем дальше в лес, тем толще партизаны. Если неработающие светофоры еще можно объяснить неполадками в энергосети, то как же радио, ТВ, мобильные?

Почему-то только одно объяснение приходило на ум. Скверное. Но Демьянов отогнал его прочь, убедив себя, что дело в особенностях профессионального восприятия. Что должно мерещиться специалисту по неприятностям мирного и военного времени, если не они? Объяснение казалось убедительным. А главное – несло с собой успокоение, поэтому Демьянов ухватился за него и выбрал в качестве рабочей версии аварию.

В этот момент свет зажегся. Но лампы теперь горели тускло, вполне. Это вступил в дело автономный источник питания. Проблема никуда не делась и вряд ли состояла в обрыве провода.

У него было два варианта дальнейших действий: остаться на месте и ждать у моря погоды или отправиться посмотреть все самому. Демьянов выбрал второе. Сидя здесь, он ничего не сможет изменить, а наверху, по крайней мере, удастся получше разобраться в ситуации. К тому же у него уже в печенках сидел товарищ Прохоров, каждые пять минут повторявший: «Ну, скоро вы там?» Как будто от этого свет могли дать быстрее.

А наверху в этот момент происходили скачкообразные изменения пространственно-временного континуума. Точка бифуркации – развилка, когда вероятным оставался и тот и этот вариант, была пройдена. История человечества прочно встала на рельсы, ведущие к ясно очерченной цели.

Сам момент перехода занял всего пару секунд. Сначала в вышине вспыхнула и тут же погасла яркая точка, на пару мгновений задержавшаяся на сетчатке каждого темным пятном. Удар был беззвучным, но люди на улицах почувствовали легкий хлопок – словно у них над ухом хлопнул в ладоши великан. Налетевший порыв ветра качнул кусты и ветви деревьев, принес с собой запах горелой изоляции.

И тут же на проспекте разразилась дикая какофония. Сначала отовсюду раздались дикий визг тормозов и трели сигналов, затем звон и скрип бьющегося и царапающегося металла, а за ними через короткий промежуток – крики и мат. Десяток аварий последовали одна за другой по принципу домино.

Пешеходы, готовившиеся перейти улицу, замерли на месте. Оправившись от шока, они могли решить, что катастрофы вызваны одновременным отключением двух светофоров. Они вряд ли заметили, что одновременно с теми погасли витрины и вывески магазинов. Перестали работать и три стереоэкрана, лившие ненавязчивое бормотание рекламы на проходящую толпу. Если бы это произошло вечером, то контраст был бы разителен, но сейчас, в середине дня, солнце светило ярче искусственной иллюминации.

Водители тем временем тоже пришли в себя. Некоторые пытались реанимировать замершие автомобили. Кто-то просто ошалело поворачивал ключ в замке зажигания и дергал рычаг коробки-автомата, другие выходили из машины и растерянно ковырялись в моторе. И первые и вторые – безрезультатно.

Те, кто уже успел выбраться наружу, сбивались в кучки, шумно обсуждали случившееся, курили, тщетно звонили в техпомощь и родным. Даже если бы хоть какой-то вид связи продолжал функционировать, ни один эвакуатор не пробился бы через затор, костяк которого составляли несколько автобусов. Движение на проспекте остановилось намертво.

Поток транспорта был плотным, скорость его была невелика, но избежать аварий, когда все «железные кони» потеряли управляемость, не удалось. Жертв не было, но помятые бамперы и поцарапанные крылья только усугубили ситуацию. Тут и там вспыхивали словесные перепалки, местами перераставшие в рукоприкладство.

Степень беспорядка нарастала постепенно. Ей потребовалось еще четверть часа, чтобы пересечь критический порог и превратиться в хаос.

Машенька этого уже не видела, спустившись в спасительную прохладу подземного перехода. Сюда же чуть позже, спасаясь от жары, спустились измученные водители, отчаявшись дожидаться помощи и покинувшие свои машины, которые раскалились от полуденного зноя, как сковородки.

Над их головами гигантский затор, закупоривший проспект, уходил в бесконечность. В этом не было ничего необычного. Город знал ситуации и похуже, особенно в час пик. Но сейчас была суббота, а здесь все-таки не центр... И никто не приехал к ним. Все городские

службы словно испарились. Люди начинали беспокоиться. Это была еще не паника, но дело уже вышло за рамки обычного волнения, которое охватывает развороченный людской муравейник при ЧС местного масштаба. Люди чувствовали, что привычный порядок жизни грубо нарушен.

Время Ч – 25 минут

Он воспользовался аварийным выходом, прекрасно понимая, какая толкотня должна твориться в переходе. Не лучше было и наверху. На проезжей части собралось столько народу, что Демьянов с трудом разглядел за их спинами причину столпотворения. Только подойдя поближе, он увидел, что суматошное движение сконцентрировано вокруг автоколонны тяжелых грузовиков.

Армейская колонна из нескольких «Уралов» и УАЗа была со всех сторон зажата парализованным гражданским транспортом. Майор легко восстановил картину произошедшего. Первый из военных грузовиков, движок которого не обнаруживал признаков неполадок, пытался протиснуться в просвет между намертво вставшими легковыми автомобилями, но не смог – слишком узок был зазор. Теперь тентованный «Урал» был затерт со всех сторон «фордами», «ауди» и «шевроле» как атомный ледокол – торосами. Хотя его мотор бодро рычал, он никак не мог вырваться и уже помял бока нескольким легковушкам. Должно быть, именно их водители сейчас орали и наседали на группу офицеров, которые пробивались через толпу к тротуару, расталкивая самых ретивых. Наконец им удалось прорвать кольцо окружения и выбраться на тротуар рядом с подземным переходом.

Среди них Демьянов обнаружил Дмитрия Иваненко, своего однокашника по Академии гражданской защиты. Он-то что здесь делал? Тот тоже узнал его и, дав какие-то указания сопровождавшему его старшему лейтенанту, быстрым шагом направился к нему.

– Дима! Сколько лет, сколько зим! – приветствовал Демьянов старого товарища и заметил у него на погонах новую звездочку. – Выходит, ты уже «подпол»? Может, объяснишь, что за херня тут творится? Где свет?

– Кончился, – ответил Иваненко голосом, лишенным эмоций. – Давай отойдем. – И чуть ли не волоком потащил Демьянова в сторону от автомобилей.

Тот только сейчас заметил, что Димка, которого он всегда знал как безбашенного шутика, напряжен как скрученная пружина. А еще у него дрожали руки. Демьянов не поверил бы, если бы не увидел это своими глазами. И взгляд... такого у него самого не было, даже когда жена сказала ему свое последнее «прости».

– Первый взвод! Бегом марш! – раздалась из мегафона зычная команда.

Тут же из кузовов двух передовых машин как горох посыпались бойцы в полевой форме. Быстро лавируя между легковушками, они пересекли проезжую часть, а затем скрылись под навесом подземного перехода.

Медведеподобный старлей руководил выгрузкой, подгоняя отстающих густым басом:

– Второй взвод! Третий взвод! Бегом марш!

Молоденький младший лейтенант и несколько мужиков постарше, по виду – сержанты-контрактники, задержались у грузовиков, спуская на землю цинки с оборудованием.

– Все, отставить! – крикнул им подполковник. – Взяли это и догоняйте. Чтоб через минуту никого на сто метров от машин!

Приказ требовал по меньшей мере побить мировой рекорд, но, похоже, был выполнен.

Демьянов не мог взять в толк, к чему такая спешка, какого черта они бросают вверенное им государственное имущество. Не до конца понимая, что происходит, он счел за лучшее последовать за подполковником. Когда они перешли проспект, большинство солдат уже спустились вниз.

– Смешно... – снова заговорил однокашник, когда последний боец сбежал по лестнице.

Они уселись прямо на бордюре. Перед ними на проезжей части роилась толпа автомобилистов.

– Ни хрена мы не учимся. Светомаскировка, пешие колонны, противогазы. А нам дали просраться, как в июне сорок первого.

– Да ты объяснишь?..

– Слушай внимательно, времени в обрез. Минут десять назад...

В этот момент до них долетел далекий рокот, похожий на раскаты грома, что было неудивительно в такую жару. Вот только небо оставалось ясным, как будто налетевшим порывом сдуло с него все облака.

Чуть трянуло землю у них под ногами, на что уж точно никакая гроза не способна. Качнулись кусты акации, вспорхнули голуби, до того мирно клевавшие семечки на горячем асфальте, да чуть дрогнули витрины соседнего магазина.

– Еще один, – глухо произнес подполковник.

– Да что такое?

– Не коси под дурачка, Серега. Все ты понял.

– Хочешь сказать... началось?

Демьянову показалось, что его голос звучит неуверенно. Слабенько. Словно не он это говорит, бывший «ликвидатор», а зеленый салажонок, только вчера принявший присягу. А то и вовсе «шпак», какой-нибудь лысеющий менеджер с брюшком или барыга с рынка.

– Уже закончилось, – коротко ответил Дмитрий. – Добивают.

– Чем это они? – бессмысленный вопрос, просто чтоб не молчать.

Так легче.

– Для палубных далеко. «Воздух-земля», скорее всего. Каждые две минуты долбят. Даже не прячутся. ПВО они явно в первую голову подавили.

– А город? Какого хрена никто не оповещает?

– «А город подумал, ученья идут», – тихо произнес Иваненко, не глядя на него. – Некому. Да посмотри на них. Бараны. Трясутся за свои тачки. Их сейчас только очередями можно разогнать, да и то не в воздух. А сверхзвуковая прилетит – все лягут еще до взрыва.

В этот момент все стало на свои места, как части простой головоломки. И отключение электричества, и нарушение всех видов связи.

А короткие, рубленые фразы продолжали вбиваться в его сознание, как гвозди в крышку гроба:

– Десять минут назад... Предположительно высотный взрыв. Электромагнитный импульс. Точно, он, родимый. Энергии нет нигде, даже там, где были автономные генераторы. Метро стоит. Никто ни хрена не знает. Администрация не отвечает, штаб округа тоже. Возможно, на их месте уже воронки. Знаешь выражение «небо коптить»? Высокоточное оружие, мать его. По радио вместо гражданских станций бульканье и треск. На ведомственных и военных частотах тоже почти молчок. На коротких волнах и УКВ – ни звука. На длинных иногда пробиваются обрывки переговоров, но слабо, ничего не понять. А из того, что понятно, – ясно, что дело полный швах. Крики, паника, ругань, вопли. И это армия.

Врут те, кто говорит, будто сильный человек не подвержен психологическому шоку. От него может быть защищен только пьяный или отмороженный на всю голову кретин. Любого другого подобная новость может сбить с ног. Но Демьянов устоял, хотя земля хотела уплыть у него из-под ног.

Его однокашнику не пришлось тратить драгоценное время на объяснения. Сергей Борисович и без него представлял, как выглядят такие операции. Сербия. Ирак. Афганистан. Иран. Сирия...

Масштаб несопоставим, но и сил явно задействовано на порядок больше. Сначала они разнесли в пух и прах командные центры, противовоздушную оборону, РВСН и авиацию. И тут вряд ли обошлось без «немирного атома».

Потом военные объекты второй очереди. Попутно отслеживались мобильные цели вроде автоколонн вооруженных сил и боевой техники на марше. Здесь уже разгулялись столь любимые пиндосами крылатые ракеты. «Потом» и «теперь» – условно, потому что даже десяти тысяч ракет хватило бы на все про все. Хирургия. Тут вам не нацисты, а гуманная нация. Конечно, бывают осечки. Там автобус вместо ракетного тягача, тут роддом вместо военкомата. Ну так и цель посерьезнее – не какой-то Третий рейх германской нации, а новый порядок. Мировой. Суки...

А если намечается сухопутная операция, то придет черед инфраструктуры. Ненужной инфраструктуры. Той, которая не понадобится Порядку при высасывании того, что ему еще не успели продать. А без ненужной инфраструктуры – коммунальных сетей, дорог, больниц – быстро начнет сокращаться ненужное население. Не по миллиону в год, а, скажем, по десять. Сколько там, по плану Тэтчер, достаточно русских? Вот под эту цифру и подгонят.

Демьянов стоял ни жив ни мертв.

Так всегда. Звездец нечаянно нагрянет, когда его совсем не ждешь.

Его страны больше нет на карте. Города стоят, и люди живы. Но уже летают над ними, как стервятники, вражеские бомбардировщики – ракетные платформы. Летают как у себя дома, то и дело отправляя с безопасного расстояния свои «гостинцы». И некому их наказать. Нет больше ни власти, ни генштаба. Огромная армия обезглавлена и превратилась в толпу людей в форме. Может, и Кремля уже нет. Нет «министерства ежедневных ситуаций», нет ГО, чтобы укрыть, накормить, спасти.

Но скоро о них позаботятся. Прилетит вдруг... нет, не волшебник в голубом вертолете, а оккупационная администрация. Хотя гауляйтера могут назначить и из туземцев.

Было бы неправдой говорить, что Сергей Борисович об этом раньше не думал. Но не так представлялась ему грядущая война. К этому их не готовили. Хотелось кричать: «Так нечестно! Нельзя разбить великую страну за пять минут».

Хотя сам он прекрасно понимал, что в войне все средства хороши, если они ведут к победе, и знал соотношение сил, не оставлявшее его Родине шансов. Разве что она успела нанести ответно-встречный удар. Но успела ли?..

– Пиндосы, – выдавил из себя единственное слово Демьянов.

– А ты думал, марсиане? – глухо ответил подполковник. – Спускаемся в переход. Только без паники.

Это было лишнее. Он уже и так был спокоен как никогда. Вся его боль превратилась в злость и решимость.

– Что за бойцы?

– Мои. Ракетчики. Вот ведь ирония судьбы. На учения ехали. Последнюю неделю всех гоняли почем зря. Спихватились, мать их.

– Да, поздно пить «Боржоми»... – пробурчал себе под нос Демьянов. – Каков план действий?

– Простой. Твой объект как, функционирует? Вот и укрой всех. Пусть пересидят денек-другой. Ротный там, Олег Колесников, хороший мужик, толковый, с ним все дела решай. Остальные...

Он не договорил, потому что в этот момент бабахнуло гораздо ближе. Как прикинул Демьянов – на углу Морского проспекта и улицы Терешковой, в районе Президиума Сибирского отделения РАН.

Со всех сторон тут же раздался дикий пересвист противоугонок. Где-то с жалобным звоном вылетело окно. Они почувствовали слабое движение воздуха, устремившегося к зоне пониженного давления. Здесь оно напоминало порыв ветра, но что творилось вблизи...

Теперь уже народ зашевелился и понял, что непогодой тут и не пахнет. А пахнет жареным. Люди начали рассасываться с проезжей части – одни по подъездам, другие в ближайшие дворы. Неумно. Кто даст гарантию, что «высокоточная» ракета не промажет на пару десятков метров? Самые глупые ушли на тротуар, где их накроет и посечет дождь стекла и шифера. Самые умные спустились в переход, и майор им мысленно аплодировал. Но их было мало.

Самые упрямые до сих пор торчали на дороге вместе со своими драгоценными авто. С таким же успехом они могли сидеть на военном аэродроме – риск сопоставим. Колонна – слишком заметная мишень. Демьянов представил, что останется от них после близкого взрыва вакуумной, кассетной или напалмовой бомбы, и его передернуло.

А ему что, сидеть внизу, в безопасности?

– Как хочешь, а я не могу на это смотреть, – резко сказал он.

– Ты спасатель, тебе и мегафон в руки. Может, кого и убедишь, – в голосе подполковника чувствовался скепсис. – В головной машине ручная сирена есть. Мои помогут, только не выходите всей толпой.

– Спутники?

– Беспилотники. Этой дряни вокруг как тараканов.

Демьянов сам удивлялся произошедшей с ним перемене. О том, что еще полчаса назад могло привидеться в кошмарном сне, они разговаривали будничным тоном. Как ни сильна была привычка к мирной жизни, а все же он быстро перевел себя на военный режим работы. Теперь предстояло сделать то же с людьми на дороге, которые по-прежнему пребывали в блаженном неведении.

– Ну а ты что? – В голове у Демьянова шевельнулась нехорошая догадка. – Неужели хочешь по-тихому в кусты?

– А я в районную администрацию. У них должна быть защищенная линия. Заодно постараюсь оповестить кого смогу.

– Думаешь, народ поверит?

– В задницу народ, – рубанул рукой воздух Димка. – Только организации. Может, хоть кто-то укроется. А вы ждите до утра. Если не вернусь, считайте меня коммунистом. – Иваненко слабо улыбнулся, распахивая дверцу УАЗа. – Если серьезно... пусть переодеваются в гражданку и по домам. Войну эти сволочи один хрен уже просрали.

Гадко стало у майора запаса на душе от этой фразы. Хоть и нечего было возразить.

– погоди, – остановил он. – Мне своих предупредить надо.

– Семью?

– Нет, базу.

– «Четвертую»? Плюнь. Далеко. Мне по пути, я заеду... если успею. Да не стой столбом, действуй! У тебя на объекте продукты должны быть. Они не жрали с утра, вот и организуй раздачу.

Демьянов потряхнул с себя оцепенение. В этом году он уже реже вспоминал о Лене. Время лечит. Последнее письмо от нее пришло два месяца назад, а по телефону они не разговаривали и того дольше. После того как они расстались, она уехала с мальчиками аж в Калининградскую область. «Чтобы быть подальше от тебя, сволочь». Он уже успел трижды прокрутить в памяти карту бывшего Кенигсберга, отмечая на ней воинские части и стратегические объекты. Вроде в безопасности. Пригород. Вроде рядом ничего такого нет. Но кто поручится? Какой бы ни была политика завоевателей по отношению к русским аборигенам, крохотный анклав чувствует это первым. Кто знает, вдруг в рамках восстановления исторической справедливости

два миллиона бесполезных русских «выселят» в Балтийское море, а Восточную Пруссию отдадут обратно Германии? Не исключено...

Кулаки Сергея сжимались в бессильной злобе, а любая точка в небе казалась ему вражеским разведчиком. Пусть даже беспилотным. Но еще чернее, чем ненависть к заокеанским гадам, была злость на тех, кто был куда ближе. А виноват – не меньше.

Запрыгнув на место водителя, подполковник рванул почти с места. Там, где не могли проехать тяжелые грузовики, внедорожник проскочил, лишь в одном месте поцарапав крыло дорожному представительскому «лексусу». И поделом.

Демьянов остался один, с грузом ответственности на плечах. Он уже знал, что будет делать, хотя предательская мысль еще свербела в голове, мешая сосредоточиться: «А если все же авария? Или климатический феномен, поток метеоритов, смена полюсов? Массовые галлюцинации?..»

«Допустим, – сказал он себе. – Ну, выставлю себя идиотом. Турнут с должности. Оштрафуют. Едва ли посадят. Но когда на другой чаше весов жизни людей, решение принять легко».

Он знал, что не спасет всех, только надеялся, что в эти же минуты кто-нибудь другой в соседнем районе или городе начинает действовать – пусть без всякой координации, на свой страх и риск, но быстро и грамотно. Это последнее, что оставалось в их силах.

Над городом грохотало и рокотало, как в самую сильную грозу. На горизонте, там, где вид не заслоняли ряды двенадцатиэтажных домов, Демьянов заметил – или ему только помешлось? – частые сполохи пламени и несколько дымных столбов. Пораженные цели.

Надо было торопиться.

Вдруг его одноклассник ошибся и война еще не окончена. Но радоваться ли этому?

Если она продолжается, то враг может пустить в ход что-нибудь посерьезнее крылатых ракет.

Темно, хоть глаз выколи. Только где-то далеко брезжит свет. Там выход. Туда надо идти.

Паники не было. Паника приходит не сразу. Ей всегда предшествует просто страх.

Были крики отдельных истеричных дам. Детский плач. Опасливое перешептывание. Слова «авария», «катастрофа» и «теракт» повторялись людьми на разный лад.

Любой из знакомых, увидев Чернышеву в этот момент, поразился бы перемене. Девушка внутреннее подобралась, от ее былой беззаботности не осталось и следа. Она знала, чем опасна давка в тесном помещении. Знала о паре-тройке случаев, когда натиск обезумевшей толпы – как раз в подземном переходе – заканчивался десятком погибших и множеством покалеченных. Единственным поражающим фактором такой ЧС становилась глупость самого человеческого стада.

Откуда-то снизу тянуло холодком. Девушка почувствовала, как ее руки покрываются гусиной кожей. Она держалась в середине людского потока, пресекая попытки оттеснить себя на его периферию, поближе к стеклянным витринам. Это был не цинизм, а трезвый расчет. Пусть лучше она потом будет оказывать кому-нибудь помощь, чем кто-то другой – ей. Она сможет, хотя бы попытается. Чертовы киоски! Куда смотрели власти, почему не позаботились выкинуть их отсюда?

– Назад! Разойдись! – внезапно раздалось вдалеке. – Дорогу!

Темноту прорезали лучи нескольких фонарей, по плитам коридора загромыхали сапоги. Люди ошарашенно смотрели на несущихся на них из полумрака солдат, пятились, жались к стенам. Сразу нашлось свободное место, и Чернышева поняла, что толпа на самом деле совсем неплотная, рыхлая. Так что давки опасаться вряд ли стоило.

Солдат было много. Не меньше сотни. Они быстро пробежали мимо и скрылись в темноте.

«Наверно, учения какие-то», – решила Маша и потянулась вслед за остальными. Свет впереди приближался, но очень медленно. Скорость бредущих в темноте людей не превышала пары километров в час.

Девушка преодолела половину расстояния, когда душераздирающий вой заставил ее, как и всех вокруг, застыть на месте. Он был настолько громким, что первым побуждением было заткнуть уши, закрыть глаза и спрятать голову в песок, хоть Машенька была не из робких. К счастью, это продолжалось всего секунд двадцать, иначе ее барабанные перепонки не выдержали бы. Оглушенно мотая головой, девушка продолжила движение. По-другому и нельзя было – сзади напирали, хотя теперь уже не так уверенно, будто толпа замедляла ход, сбиваясь в плотный ком. Оставалось всего метров десять, когда она неожиданно остановилась и даже слегка подалась назад.

Чернышева подняла глаза на спасительный квадрат неба и поняла, что опоздала. Вместо пропавшего милицейского патруля лестницу перекрывала густая цепь из десятка парней в камуфляже. Только, как ей показалось, не омовцев, а бойцов вооруженных сил в зеленой полевой форме.

«Да что за дела? – недоуменно подумала девушка. – У нас что, военное положение?»

Эти парни не просто подпирали стенки, а создали заслон против тех, кто пытался выбраться наружу. Тех, то пытался пробиться силой, без церемоний отталкивали вниз. Им помогала выгодная позиция, а также то, что толпа накатывала нестройно и не была по-настоящему взвинчена. Иначе она просто снесла бы солдат своей массой. Триста человек всегда тяжелей, чем дюжина. Но большинство подчинилось. Сыграла свою роль и привычка в меру законопослушных граждан, и то, что передние ряды заметили у части бойцов автоматы. Да не милицейские «укороты» АКСУ, а АК-74, которые на городских улицах увидишь редко. А если увидишь, то тут у мирного человека должен срабатывать условный рефлекс. Надо выполнять все команды и не отсвечивать.

Человек с мегафоном выскочил откуда-то как чертик из коробочки.

– Внимание! – прорычал офицер. – Воздушная тревога! Всем немедленно пройти в убежище! Вход находится в подземном переходе! Разворачивайтесь и следуйте в обратном направлении!

В этот момент, встав на цыпочки, чтобы лучше видеть, девушка заметила, что за спинами у солдат скапливается все больше народу. Похоже, они ждали, когда им позволят спуститься.

«Да объяснит мне кто-нибудь чего-нибудь?» – совсем растерялась Чернышева. Ей мучительно захотелось оказаться дома. Зачем она вообще пошла куда-то?

– Это не учения! – снова прогремел усиленный мегафоном бас. – Всем пройти в убежище. Вход находится в подземном переходе! Назад!

Народ безмолвствовал, испуганно толкался на месте. Видимо, доверие к людям в форме боролось в них с естественным недоверием к их действиям. По рядам прошел негромкий недовольный ропот.

Внезапно толпа расступилась. К лестнице пробился грузный мужчина средних лет.

– Да пропустите меня! Что тут за дела, я не понял?

Сергей Борисович встретился с ним взглядом и сразу увидел, что этот господин будет источником проблем. В отличие от остальных, он не боялся. На его лице не было заметно даже тени волнения. Только раздражение тем, что его заставили испытать неудобство.

Оказавшись прямо перед Демьяновым, хорошо одетый господин небрежно сунул ему под нос корочку, в которой он успел прочитать только слово «Зам...».

– Ты... – Сытый взгляд поросячьих глазок остановился на нем. – По какому праву здесь командуешь? Ты знаешь, кто я? А ну быстро назвался, военный.

Незнакомец дышал перегаром, но твердо стоял на ногах. Пожалуй, он был чуть-чуть навеселе. Но едва ли этим объяснялась его развязность.

Случилось то, к чему майор запаса не был готов. Он втайне опасался паники, но не открытого противодействия. Можно сказать, что ему просто не повезло. Типичный гопник при виде людей с автоматами стал бы шелковым, у них нюх на опасность. Даже стаю таких животных легко утихомирили бы бойцы оцепления. Они справились бы и с паникерами, ошалевшими от страха. Но перед ними стоял совсем другой экземпляр.

Обычно такая публика по подземным переходам не ходит, смотрит на мир только через тонированные стекла дорогих автомобилей. Но этому довелось сегодня оказаться среди простых смертных.

Разными путями попадали люди в этот аморфный протокласс – российскую элиту. Кто-то карабкался вверх по чужим головам в партийной, профсоюзной или административной бюрократии. Другие вышли из «органов», а некоторые и до сих пор носили погоны, что не мешало им успешно заниматься бизнесом. Кто-то стал результатом эволюции классических «братков», сменивших малиновые пиджаки на костюмы от кутюр.

Всем им было за сорок, и за время своего восхождения они приобрели не только лысину и брюшко, но и непрошибаемый цинизм и чувство собственной безнаказанности. Их объединяло и презрение к быдлу, в число которого они включали и низестоящих людей в форме, малооплачиваемых, по их мнению, продажных «шестерок».

Подернутое ряской болото «стабильной» страны было для них раем. В мутной воде хорошо ловилась и большая рыбка, и маленькая. Они крышевали не ларьки, а банки и магазины, пилили бюджетные деньги, организовывали для себя и для друзей «честные» аукционы. Все кампании по борьбе с коррупцией никогда по ним не били по одной простой причине – они сами же их и организовывали. В лучшем случае репрессии выметали одного-двух самых зарвавшихся или жадных, забывших, что Бог велел делиться.

Чувствуя себя столпами общества, они жаждали не только чинов, но и титулов, поэтому и стали поголовно кандидатами наук. В их кругу это считалось комильфо, своеобразной заменой дворянских грамот.

Судя по тому, как гнул пальцы этот субъект, он был не кандидатом, а, самое меньшее, доктором.

– Как это нельзя? Ну ты попал, сапог. Я звоню одному другу, генерал-лейтенанту, и считай, ты уже на Малой Земле гарнизомишь.

Видимо, он принял его за действующего военнослужащего. Неважно. Демьянов мог спокойно сказать ему «Звони» или даже «Звоните» и пропустить наверх, под напалмовый дождик. Но за одним могли последовать другие.

А этот сукин сын уже вещал, обращаясь к людям, стоящим рядом:

– Да чего вы его слушаете? Кто он такой, блин? Идите по своим делам, никто вас не держит.

Его слова попали на плодородную почву. Солдаты потеряли бдительность, следя за конфликтом, и несколько человек, самые решительные или пустоголовые, воспользовались заминкой. Они проскочили через оцепление и кинулись вниз по улице. Преследовать сбежавших было бессмысленно, но, видя их успех, еще десяток-другой затворников бочком протискивался к выходу.

Демьянов понял – еще немного, и он потеряет контроль над ситуацией. Драгоценное время уходило, секунды складывались в минуты, и каждая могла означать чью-то жизнь. К тому же его нехорошее предчувствие только крепло.

И тут он потерял контроль над собой. Та злость, которая копилась в нем с момента первого удара, нашла выход. Он понял, кого ненавидит на самом деле, догадался, кого Иваненко называл сволочами.

Странно, но он не ощущал такой жгучей ненависти даже к США. Американцы были в его восприятии чем-то вроде саранчи. Ненавидеть их – все равно что ненавидеть стихийное бедствие.

В геополитике действует то же правило: «Сучка не захочет...». Россия, выходит, захотела.

Не Россия, поправил себя Демьянов. А эта чиновничья плесень, которая выросла еще в номенклатурном СССР. Она выкормилась соками Союза, а потом сама же и погубила его, когда поняла, что может получить все и сразу. Когда модно было быть либералом, они восхваляли рынок, пришла пора великодержавности – начали изображать из себя исконно-посконных патриотов. Но они сдали бы страну без единого выстрела. Если дошло до бомбежек, значит, просто не сговорились о цене.

Эта гниль при любом строе выживает. Ей и оккупанты не страшны. Россиянина погибнет, распадется на десяток или сотню уделов, а им хоть бы что. Когда прилетят «вестники демократии», эти твари покорно лягут под них, будут сидеть в таких же кабинетах, но с другими портретами, и управлять быдлом уже от имени североамериканских прогрессоров.

Рука майора запаса сама опустилась на кобуру.

С тех пор как Сергей Борисович ушел в отставку, у него не могло быть табельного оружия, но, работая в охране, он имел личный ПМ. Однажды, придя в себя после затяжной «болезни», он обнаружил, что пистолет пропал. Демьянов перерыл всю квартиру, но не нашел концов. Потом была морoka в горотделе милиции. Его чуть было не лишили лицензии. А ствол волшебным образом нашелся... в сейфе убежища, когда он уже успел приобрести новый. Тогда он дал себе зарок не употреблять и до сих пор держался. Зарегистрировать этот пистолет было проблематично, и Демьянов давно хотел избавиться от «паленого» оружия, но что-то его удерживало. Возможно, природная бережливость. Лучшего места для хранения, чем тот самый сейф, просто не было. Так он и лежал там до дня, когда в нем возникла необходимость.

Знакомая по стрельбам тяжесть вороненого «Макарова» в руке прогнала лишние мысли. Он увидел, как хам изменился в лице и посерел, попятился. Потом от грохота на секунду заложило уши, пахло пороховой гарью...

Сергей Борисович чувствовал в себе готовность стрелять и на поражение. Но этого не потребовалось. Лощеного господина в тройке от Кардена и сорочке от Нино Риччи как ветром сдуло.

Минуту назад человек с мегафоном – Маша успела разглядеть, что он пожилой и погон на нем нет, – сделал то, чего она никак не ожидала. Настолько это не укладывалось в обычный порядок вещей. Он вытащил пистолет и выстрелил в потолок. Громкий хлопок, в десять раз громче киношных спецэффектов, эхом прокатился по коридору. Позднее, поближе познакомившись с огнестрельным оружием, Чернышева поняла, что патрон должен был быть холостым, иначе любой рисковал бы пострадать от рикошета.

Установилась такая тишина, что можно было услышать, как рядом тяжело дышит какой-то астматик.

– А ну спокойно, – офицер снова поднес громкоговоритель ко рту. – Последний раз для особо умных. Это не учения. Это война, понятно? Ради вашей же безопасности немедленно, – он произнес это слово почти по слогам, – немедленно пройдите в убежище. Дверь обозначена световым указателем.

Как ни странно, это сработало. Паники не было. Не было и возражений. Когда солдаты, медленно спускаясь по лестнице, начали теснить толпу, народ выстроился в подобие очереди и потянулся обратно в темноту тоннеля.

Машенька, оказавшаяся теперь в хвосте, попыталась задать странному офицеру вопрос, но он отмахнулся от нее, как от назойливой мухи:

– Не задерживайте!

В другой раз она бы этого так не оставила, но инстинкт самосохранения подсказал ей, что не стоит лезть на рожон. Увлекаемая толпой, Чернышева пошла туда, откуда еще пять минут назад с таким трудом выбралась. Светлый прямоугольник неба остался позади.

Правда, на этот раз было не так темно – солдаты достали фонари. И где-то впереди маячил зеленый огонек. На этот раз их шаг был быстрее, и середины перехода они достигли очень быстро. Девушка увидела, что стальная дверь, мимо которой она совсем недавно так беззаботно прошла, широко распахнута, а решетки нет и в помине. Рядом ярко горела зеленым надпись «ВХОД», видимо установленная только что. За дверью виднелся проход, достаточно широкий, чтобы через него могло пройти четыре человека. И лестница.

Вниз.

Сердце у нее упало. Сложно найти человека, который любит темные сырые подвалы. Но даже при всем желании у Маши не оставалось свободы маневра. Люди были повсюду. За спиной она слышала гул множества шагов. Их настигала новая партия укрываемых, спускавшаяся в переход с улицы, и народу там было не меньше. А навстречу по коридору с противоположной стороны проспекта текла такая же людская река, направляемая и подгоняемая солдатами.

Оба потока сходились как раз перед дверью, и первые ряды «встречных», как ей показалось, уже исчезли внутри. Ждать пришлось недолго. Вот и их начали загонять внутрь. Сначала медленно, а потом все быстрее толпа начала вливаться в темный зев.

Чернышева проскользнула сквозь дверной проем, успев заметить, что с обратной стороны они закрывались механизмом, похожим на корабельный штурвал. Миновав небольшую площадку коридора, Маша оказалась на довольно крутой, пыльной и плохо освещенной лестнице, ведущей еще глубже в темноту. Нижняя площадка и вовсе терялась во мраке, оттуда тянуло холодом и затхлостью. На мгновение девушка пожалела, что не последовала примеру сбежавших, но сейчас она не смогла бы остановиться, даже если бы сильно захотела. Сзади напирали новые массы людей. Теперь ей казалось, что их тысячи.

Они были прижаты друг к другу сильнее, чем в автобусе в час пик, но Машеньку никто не пытался облапить. Сирена включилась вновь, но теперь она была далеко, не разрывая уши, а лишь нагоняя необъяснимую тоску. Девушка с трудом могла разглядеть лица окружавших ее людей, но видела, что на них написан страх перед неизвестностью. Ни слова протеста. Ни шага в сторону. Ни одной фразы, ни одного смешка. Она знала, что люди ведут себя так только в состоянии глубокого стресса.

Они миновали еще два лестничных пролета, прежде чем спуск закончился. Сирена продолжала истошно завывать. От этого заунывного воя мурашки пробегали по коже Машеньки, но он был уже далеко и едва ли мог угрожать ее безопасности. Так она думала.

Пройдя через два шлюза, они оказались в длинном коридоре, проходящем, наверное, точно под подземным переходом. Здесь было куда темнее. Свет давали тусклые лампы в пыльных железных плафонах, висящие под потолком. Полумрак, бетонный пол, потолок и серые некрашенные стены, вдоль них – неказистые лавки.

На эти лавки бойцы в зеленом камуфляже начали рассаживать людей. Вели они себя корректно, тем, кто замешкался, помогали занять места, но лица у всех напоминали напряженные восковые маски. Будто что-то страшное уже случилось или случится вот-вот.

Глава 4

Вспышка

Время Ч – 10 минут

– Никогда не видел такой некомпетентности, – пузырился генерал. – Вы... Я подам рапорт о вашем служебном несоответствии и передаче убежища под непосредственный федеральный контроль.

Он достал пачку сигарет «Лаки Страйк», что в примерном переводе с английского звучит как «удачный налет», и опять закурил, еще раз нарушив правила поведения в защитных сооружениях.

– Отвечайте: что посторонние делают на вверенном вам объекте? Из какой части военнослужащие? По какому праву тут гражданские?

Демьянов никак не отреагировал на эту тираду, то ли обдумывая ответ, то ли игнорируя вопрос.

– В молчанку играем. – Лицо Прохорова затряслось от злости. – Ничего, когда выйдем отсюда, будете отвечать по всей строгости.

Сергей Борисович не слушал. Он посмотрел на часы, резко встал со своего места и направился к выходу.

– Вот что, я пойду посмотрю, как там дела у наших укрываемых. А вы посидите пока здесь, остыньте.

– Да как вы... Что вы себе... – проверяющий задохнулся от возмущения.

Он готовился обрушить на майора водопад гневных слов, но тот уже захлопнул за собой дверь.

Оставив проверяющих переваривать услышанное, Демьянов вышел из пункта управления и направился в главный коридор, где собрались бойцы-ракетчики, потерявшие командира. У него не было времени еще раз объяснять этому олуху-генералу, что началась Третья мировая. Он и так сделал это трижды. Сергей Борисович был готов держать пари, что тот не поверил, потому что никакой Третьей мировой войны нет ни в уставах, ни в других нормативно-правовых документах.

Ну и бес с ним. Некогда цацкаться. Он будет заниматься делом.

– Здесь курить нельзя! – прозвучал невдалеке строгий окрик.

Машенька обернулась. К ней направлялся молодой человек в таком же зеленом обмундировании, но без оружия. В другой обстановке... Впрочем, для нее не могло существовать неподходящей обстановки, а всей серьезности положения она еще не понимала.

Чернышева улыбнулась, глядя, как меняется выражение лица парня по мере его приближения. Она посмотрела на него с интересом. Солдат был моложе, чем ей вначале показалось, младше нее на пару лет, и отчего-то выглядел очень взволнованным.

– Курить нельзя, говорю же, – уже помягче произнес он, останавливаясь напротив нее. – Запрещено.

– Здесь нельзя, а где можно? Может, покажете? – Она продолжала сверлить его взглядом своих карих и, как ей казалось, выразительных глаз. – Извините, я не могу с собой ничего поделать, когда нервничаю. А мне сейчас очень надо успокоиться.

Видимо, он тоже испытывал в этом потребность. Вокруг не было никого, кто мог бы попенять бойцу за нарушение дисциплины, а неподалеку оказался закоулок, вполне подходя-

щий для устройства стихийной курилки. Через минуту они были на «ты», а через три разговаривали как старые товарищи. Подымив, они вернулись в коридор, где временно разместили укрываемых, беседуя уже так, словно были знакомы всю жизнь. У них оказалось много общего. Оба были людьми простыми, оба не прочь посмеяться. Вскоре тревога, владевшая Иваном, ее новым знакомым, исчезла почти без следа, но Машенька так и не добила от него сведений о том, что же творится наверху. Он то и дело говорил про какие-то удары, но она не верила. Поэтому версия учений продолжала оставаться для нее рабочей. Похоже, и солдатик под влиянием ее аргументов начал склоняться к ней.

– По-любому, Вань, уже скоро, – завершила его Машенька, когда они обсудили все животрепещущие вопросы, то есть дискотеки, новомодные приамбасы, культовые блокбастеры.

– Надеюсь, – покачал головой тот. – А то Сергей Борисыч просто сам не свой.

– Он кто, твой командир?

– Нет. Я его знаю не дольше, чем тебя. Он был здесь еще до нас. Кажись, главный здесь. Вроде нормальный мужик.

– Веришь или нет, но через минут десять нас отсюда выпустят, – стояла на своем девушка. – Кончатся эти гребаные маневры; покажут какому-нибудь маршалу, что наш округ к войне готов, и пойдем по домам... То есть мы пойдем, – поправила она. – А вы будете служить дальше. Не завидую.

– Да ладно, недолго осталось, – солдатик был явно тронут Машенькиной заботой. – Три месяца всего.

– Не так уж много. С другой стороны... Ты контрактник или как?

– Срочник, ясное дело.

– Войска какие?

– Ракетные.

– Ох ты, как интересно. И что, у вас там эта самая красная кнопка есть?

– Нет, ты что!.. Она у президента. А у нас только пульт. Но там офицеры. А мы так... службу несем.

– А в гости к вам можно?

– И хотелось бы, да нельзя, – усмехнулся парень. – Это ж секретный объект. Мы когда заступали, подписку о неразглашении давали на десять лет. Если нарушу, как раз на десятку и загремлю, – слегка приукрасил он для значительности. У нас там три ракеты СС-30 стоят, ее еще пиндосы «Сатаной» называют. Но это секрет.

– А мне-то ты на фиг это рассказываешь? – удивилась Чернышева. – Вдруг я, это самое, шпионка?

– Нет, не похожа.

И они оба рассмеялись.

– Да, не жарко тут у вас. – Девушка поежилась, представляя себе, что станет с ней после хотя бы одного дня, проведенного в подземелье, приспособленном для жизни хуже, чем подводная лодка.

А наверху в это время светит солнце, шумит, живет своей жизнью большой город со всеми дискотеками, кинотеатрами и кафешками, обитатели которого даже не представляют существования этих катакомб.

– И атмосфера нездоровая. Воздух спертый. Можно ревматизм с радикулитом заработать. Я бы здесь и за миллион баксов неделю не прожила. Да тут, поди, и крысы водятся?

– Не видал, – покачал головой парень. – Но, думаю, могут.

Намек насчет холода Иван понял и уступил ей свою камуфляжную летнюю куртку, а сам остался в зеленой хлопчатобумажной майке.

Ваня явно знал больше, и девушка уже была готова задать вертевшийся на языке вопрос, когда поняла, что ответ ей не нужен. Не хочет она его знать. Как будто, если не говорить о нехорошем вслух, оно не случится.

Надо было срочно отвлечься. Для этого Маше не пришлось делать усилий – здоровый разум сам нашел лазейку и переключил внимание на нечто безобидное. Они сидели на жесткой деревянной лавке и травили анекдоты, половина из которых была бородатыми, а две трети – скабрёзными, но у них был невзыскательный вкус.

– Короче, слушай еще. Пришел как-то мент в библиотеку...

– Ну и чего дальше?

– А все. Мент – в библиотеку, ты понял?

– Ха-ха-ха! – У солдата запаздывало зажигание, но чувство юмора было на месте. – Обалдеть. А вот еще один...

Они старались смеяться потише. Люди, сидящие на соседних лавках, то и дело косились на них, но никто не сделал замечания. Может, такое легкомысленное поведение слегка отвлекало окружающих от дурных предчувствий и внушало им мысль, что для волнения нет причин.

Чернышева не могла взять в толк, чего все такие взвинченные. Ну, подумаешь, выключили свет. Разве это смертельно? Что, кто-нибудь умер? Вроде нет. Да что вообще может случиться в такой прекрасный день? Скоро все закончится и они пойдут по домам.

Скоро все закончится... ведь так?

Один раз Маша не сдержалась и рассмеялась весело и беззаботно. Эхо не замедлило ответить своим жутковатым неживым голосом, лишний раз напоминая, что она не дома, а в нежилом помещении с голыми стенами и без намека на мебель. Вдобавок под землей. В катакомбах. В склепе.

Но в компании с Иваном время летело незаметно, и неприятные мысли как рукой сняло. Так бывает всегда, когда общаешься с интересными людьми. А с неинтересными людьми Чернышева не общалась.

– Шухер, – толкнула девушка локтем Ивана. – Начальство идет. Дохихикались.

Тот вскочил как ужаленный и занял свое место у пожарного щита. Успел в последний момент. По коридору шел старый знакомый, тот самый офицер с мегафоном. Он шел быстро, почти бежал. При виде его Машенька обрадовалась, несмотря на то что этот человек так грубо отшил ее пятнадцать минут назад. Вот сейчас он остановится и сделает объявление о том, что учения считаются завершенными, что Родина им безмерно благодарна, они свободны и могут валить на все четыре стороны. Разумеется, никакой компенсации им не заплатят. Дождешься от них.

Чернышева поднялась, разминая затекшие ноги. Ну наконец-то.

– Вы не скажете, когда нас... – Ее фраза оборвалась на полуслове, потому что в этот момент их тряхнуло так, что девушка еле удержалась на ногах.

Земля задрожала, будто слоны, на которых она покоилась, решили немного размяться и попрыгать на одной ножке на спине вселенской черепахи. С потолка посыпалась цементная пыль.

– Эт-то еще что за?.. – договорить ей снова не удалось.

Второй толчок был немного слабее первого, но именно он бросил Машеньку, не успевшую обрести равновесие, на жесткий бетонный пол. Она ударилась лбом о железную ножку скамейки.

Потом была вспышка прямо у нее в голове, взрыв, который потряс весь ее мир до основания и перевернул его с ног на голову. Она слышала, что рядом кто-то кричал, слышала, как снова включили сирену. Но это было так далеко.

Все перемешалось в сплошной размытый поток света и звука, который завертелся вокруг нее бешеным вихрем, адской каруселью. Потом вспышка погасла и она провалилась в темноту.

Даже после всех «разоружений» ядерный арсенал России оставался существенным. Но что толку от тяжелых межконтинентальных ракет, если все они сгорят в своих шахтах, пораженные крохотными по сравнению с ними крылатыми ракетами «Fasthawk», которые летят втрое быстрее звука?

Четверть часа назад пятнадцать тысяч вестников смерти поднялись в воздух, пересекли границу и, пройдя над территорией будущей-бывшей РФ на минимальной высоте, практически невидимые для радаров, поразили свои цели: командные пункты, объекты ПВО и ракетные шахты, где томились «недорезанные» в период гонки разоружения исполины с разделяющимися боевыми частями. Настигли они и все за редким исключением мобильные «Тополя-М», заранее отслеженные со спутников. Самолеты были сожжены на аэродромах, стратегические атомоходы – большей частью прямо в доках.

С первых минут армия оказалась обезглавлена. Верховный главнокомандующий, генштаб и министр обороны пропали без следа. Война закончилась бы без единого выстрела со стороны обреченной державы, если бы не решительность нескольких офицеров в резервном командном пункте Ямантау. Они успели за мгновения до того, как их накрыла гроздь тактических ядерных ракет типа «Bunker-buster», нажать на заветную кнопку, послать команду на запуск и выпустить атомного джинна из бутылки.

Русская «ответка» началась.

Два десятка баллистических монстров все же взлетели. Почти треть из них расстреляли беспилотники, кружившие рядом с точками запуска, столько же было сбито противоракетами над Восточной Европой и Аляской. До Метрополии долетели всего два, причинив страшный, но не критичный в такой обстановке ущерб. В самом деле, гибель двух мегаполисов могла только сплотить народ Соединенных Штатов и оправдать действия правительства по введению открытой диктатуры, в которой то нуждалось как в воздухе. А заодно показать всему миру оправданность самых крутых действий против «варварской России».

Но ничейный исход войны решили не эти МБР¹.

Ее финал был определен под толщей мирового океана. Из тех трех российских подводных ракетносцев, что находились на боевом дежурстве, два были быстро отправлены на дно торпедами подводных убийц, следовавших за ними по пятам.

А вот с третьим вышла промашка.

Никто уже не скажет, что это было – ошибка капитана противолодочной субмарины ВМФ США класса «Нарвал», сбой техники или роковое стечение обстоятельств... роковое для сотни городов на североамериканском континенте.

«Александр Суворов», спущенная на воду пятью годами ранее громадная подлодка класса «Акула-3», успела отработать по целям. Левиафан водоизмещением в 48 000 тонн и длиной в 172 метра опорожнил пусковые установки, прежде чем сто восемьдесят безымянных героев нашли покой на дне Атлантики.

Баллистические ракеты с разделяющимися боевыми частями несли двести боеголовок, и пресловутая противоракетная оборона США села в лужу. Система НОРАД не справилась с обилием ложных целей, сумев сбить едва ли десятую часть. Крупнейшим городам «бастиона демократии» оставшегося хватило с лихвой.

Не успели первые русские ракеты взорваться среди небоскребов Метрополии, а навстречу им с американского берега уже летели сотни и сотни «минитменов». Одновременно подводный флот в Северном Ледовитом и Тихом океанах ударил «трайдендами» с ядерными боеголовками по уже обескровленной России. Первые из них достигли городов Сибири менее

¹ МБР – межконтинентальная баллистическая ракета.

чем через полчаса после залпа «Суворова». Это был ответ Америки – ответ на ответный удар. Его целью было уже не поражение военных объектов, а тотальное разрушение экономики и населенных центров.

Принятие решения потребовало немного времени. Хотя на месте округа Колумбия чернела воронка, президент был жив, как и почти весь генералитет. Медлить с запуском было нельзя – военные психологи еще в начале века рассчитали, что в условиях гибели государства армия теряет боеспособность за пару суток. Деморализуется, перестает подчиняться приказам и наконец разбегается.

Когда стало ясно, что запущенный конвейер смерти не остановить, обломки обеих держав пустили в дело все, что у них было.

В ход пошли боевые штаммы бактерий и вирусов, споры и токсины – все то, что заботливо хранилось, несмотря на все договоры и обязательства по уничтожению. Брошены были на врага и запасы химического оружия, которые копились еще со Второй, а то и с Первой мировой: фосген и иприт, зарин и зоман, люизит и VX.

Ракетный шквал накрыл обе страны почти одновременно, стирая с лица земли не только города, но и сами государства. Тем, кого поразило ядерными и обычными взрывчатыми веществами, повезло. Хуже было жертвам химического и биологического оружия. Их было меньше, так как существовали трудности в доставке этих средств до места назначения. Но до приграничных городов Европейской части России его донесли бомбардировщики и диверсионные группы. Да и Восточная Европа получила свое от нескоординированных, но решительных действий того, что осталось от спецназа ГРУ.

В городах, накрытых облаками общеядовитых и удушающих газов, люди умирали в жутких муках, разрывая себе горло и корчась в агонии. Газы нервно-паралитические были куда милосерднее. Они убивали почти мгновенно, каждый застывал там, где его застал удар, падая как подкошенный. Бактериологическая «начинка» действовала медленнее, но так же эффективно.

Время Ч

И снова пол подпрыгнул, на этот раз чуть слабее, как будто поступь великана доносилась теперь издалека. Предыдущий удар был так силен, что заставил людей схватиться за закрепленные предметы, чтобы не упасть. В помещении для укрываемых некоторые люди получили травмы.

Это уже не походило на обычные вооружения. Никакая вакуумная бомба не создаст такого сейсмического эффекта. Это не походило даже на тактическую ядерную боеголовку.

Демьянова прошиб холодный пот. Но уже через минуту его страшная догадка превратилась в уверенность. С поста радионаблюдения сообщили о стократном повышении уровня радиации в подземном переходе.

Сергею некогда было размышлять о причинах и последствиях. Он никогда не думал, что это может произойти, но действовал так, как требовала обстановка. Надо было принимать решения. Похоже, никто не собирался делать это за него.

Генерал тупо щелкал кнопками своего спутникового телефона. Идиот! Даже если связь функционировала бы, радиоволны этой частоты никогда не пройдут сквозь толщу породы над их головами. Его бесцветный помощник молчал, затравленно глядя в потолок.

Солдаты переминались с ноги на ногу, не зная, что делать. Они с надеждой поглядывали на своего ротного, но тот, похоже, сам был в растерянности. Еще бы. Его непосредственный командир отбыл в неизвестном направлении; часть, скорее всего, погибла в полном составе, и нельзя поручиться, что все в порядке с семьей. Любой человек на его месте был бы неадекватен.

Демьянов терялся в догадках, кем считать подполковника Иваненко. С равной долей вероятности тот мог быть и дезертиром, и героем. Кто поручится, что он действительно поехал организовывать оповещение, а не схватил в охапку свою бабу и ребенка и не покидал теперь город по проселочным дорогам, чтобы пересидеть горячие деньки где-нибудь в деревне? Сергей Борисович не осудил бы его за это.

Все ожидали распоряжений. Все колебались, даже генерал Прохоров, хоть он и делал вид, что держит ситуацию под контролем. Состояние людей гражданских и вовсе находилось между паникой и обмороком. И тогда Демьянов понял, что должен принять командование на себя. Никто не собирался делать этого за него. Старшим по званию оставался товарищ генерал, но тот претендовал разве что на формальную власть. Брать на себя реальную ответственность за происходящее он не собирался.

«Умно, черт возьми, – с раздражением подумал Демьянов. – Разгребать все дерьмо придется мне. А если все пойдет не так, то он ни при чем и весь в белом. Свалит всех собак на меня».

Но Сергей Борисович не жаловался. Это была его работа. Давно он не чувствовал себя таким нужным. Ему некогда было рассусоливать. Как-то неожиданно-негаданно оказалось, что он не только самый адекватный, но и единственный дееспособный руководитель в подземелье.

Что удивительно, люди слушались его. Все, от бойцов-ракетчиков, составивших «гарнизон» убежища, до гражданских, стали подчиняться его приказам так же естественно, как если бы он всегда был их командиром.

Может, и бывают лидеры от рождения, люди, сила личности и харизма которых создает вокруг них поле притяжения и заставляет всех крутиться по орбитам. Демьянов таким не был. Он просто выполнял свою работу, и делал это на совесть. Он не был и героем, просто оказался в нужное время там, где без него не смогли бы обойтись.

Сама эвакуация людей с поверхности была мероприятием сомнительным с точки зрения законности. Но первый же приказ, который Демьянов отдал еще до удара, был вопиюще противоправен. Мало того, что он вообще не имел право отдавать никаких приказов, так тот еще противоречил сразу нескольким статьям уголовного кодекса.

Вначале для размещения людей хватало главного коридора. Но народ все прибывал, и вскоре там стало тесно. Встал вопрос проникновения в запертое помещение для укрываемых. Чтобы пресечь колебания в зародыше, он подал пример, лично взломав первую из самовольно установленных дверей. К счастью, железо оказалось мягким и искать автоген не понадобилось. Хватило лома и кувалды. Так Демьянов показал, что право частной собственности временно отменяется.

Вскрытие оптового склада позволило решить и продовольственную проблему. Продуктов оказалось не так много, как он предполагал. Ящики не громоздились до потолка, как он рисовал себе, а занимали только третью часть помещения. Но и этого должно было хватить на пару месяцев, а он и подумать не мог о том, что они задержатся в убежище дольше, чем на пару-тройку дней.

Работы был еще непочатый край. В первую очередь надо было провести обход всех труб по главному коридору на предмет течи и проверить герметичность сооружения. Кто мог гарантировать, что трещины, тщательно замазанные им, не расширились и сквозь них не сочились грунтовые воды, ставшие теперь радиоактивными?

Параллельно требовалось организовать снабжение укрываемых водой, продуктами и найти теплую одежду хотя бы для части людей. Базарчик в подземном переходе, где зоркий глаз Демьянова успел заприметить распродажу «осенней коллекции», придется кстати.

Надо было помнить и об обеспечении охраны общественного порядка, следить за моральным состоянием людей. Демьянов по опыту знал, как неподготовленный человек может вести себя в кризисных ситуациях. Нужно было раздобыть топливо для генератора. Ведь солярки,

которую они успели притащить с ближайшей заправки, несмотря на режим строжайшей экономии, хватит ненадолго.

Демьянов понимал, что если их пребывание здесь затянется дольше чем на сутки, то в убежище придется выстроить четкую иерархию, в которой он займет формально второе, а фактически первое место. Тогда станет проще. Пока же бывший майор не сомневался в том, что львиную долю важных дел придется выполнять лично ему.

Хотя с какой стати «бывший»? В связи с гибелью российской армии, возможно, и большей части страны, он мог снова считать себя находящимся в строю. Такое уж наступило время.

Пока им везло. Насколько вообще возможно назвать себе везучими в такой ситуации.

Внутренняя телефонная связь оказалась исправна, хотя Демьянов совсем не был уверен в том, что она переживет вибрацию породы, вызванную взрывной волной, и, что не менее опасно для проводных сетей, электромагнитный импульс. Но, что самое главное, несущие конструкции пережили встряску благополучно. Иначе всех людей, находящихся здесь, размазало бы как тараканов. Свое генеральное испытание убежище выдержало.

Люди на улицах, поднявшие глаза к небу, могли заметить ее приближение. «Звезда полын» напоминала самолет, оставляя за собой узкий инверсионный след, только двигалась в несколько раз быстрее и, вместо того чтобы зайти на посадку в Толмачево, устремилась прямо к центру города. Для тех, кто ее видел, все закончилось быстро и легко.

Не прошло и тридцати секунд, как в шести километрах к северу от подземного укрытия родилось новое светило. Там, в эпицентре вспышки, воздух за доли секунды раскалился до температуры солнечной короны, давление сравнялось с давлением в земном ядре. Там горело все, что могло и не могло гореть. Плавилась бетон и кирпич, испарялись железо и сталь, миллионы литров воды из великой сибирской реки превращались даже не в пар – в раскаленную плазму. От органической материи не оставалось и пепла. Чудовищная энергия взрыва рвала молекулярные связи и разметывала по кирпичику клетки, белки, аминокислоты. Вспышка оборачивала эволюцию вспять, возвращала жизнь в исходное состояние, в котором та находилась два миллиарда лет назад. В ничто.

Люди не успели испугаться и не почувствовали боли. Налетевшая на них сила распространилась быстрее, чем нервный импульс.

А там, где вспышка брала свое начало, поднимался к небесам чудовищный белесый гриб-шампиньон, памятник всем бесплодным усилиям человечества. Его величие могло бы вызвать гордость как высшее достижение человеческого гения, не превращаясь очевидцы в пыль, пепел или горящие факелы, в лучшем случае навсегда получая огненное клеймо на сетчатку глаз.

Если бы на видимой стороне Луны нашлись заинтересованные наблюдатели, то они могли бы в простой бинокль заметить яркие вспышки на двух континентах Северного полушария. Они возникали с неравными интервалами на протяжении восьми часов, всего их было около трех тысяч. Наверняка гуманоиды долго ломали бы головы над причиной этого странного атмосферного явления, и все впустую. Их воображения не хватило бы на то, чтобы представить себе бездну, которую человек разумный распахнул одним нажатием кнопки.

За вспышкой с интервалом в пару секунд следовала ударная волна, которая разметывала железобетонные здания как карточные домики. Попавший под нее человек или другая живая тварь рвались в клочья, сминались как молочный тетрапак. Земля на многие километры вокруг вздыбилась, задрожала, потеряв опору, как море при шквальном ветре.

Как ни велика была мощь волны, постепенно ее напор ослабевал. В населенных пунктах, расположенных в пятнадцати – двадцати километрах от эпицентра, только посрывало крыши и повалило деревья, как при сильном урагане. В поселках, что были вдвое дальше, только задрожали стекла да зазвенела посуда. На большем расстоянии люди просто не заметили катастрофы

или приняли ее за землетрясение силой в три-четыре балла, не способное вырвать их из обычной рутины дольше чем на десять минут.

Но беда никого не обойдет стороной. Те, кому посчастливилось пережить первые полчаса, не знали, что судьба приготовила им самое худшее. Образовавшийся «гриб» представлял собой тучи пыли, поднятые в воздух силой ударной волны. Радиоактивной пыли, которую ветер разносил как ядовитые споры, как семена чудовищного «шампиньона». И всюду, где они упадут на землю, люди познают смерть.

В голове у Машеньки стоял малиновый звон, перед глазами расплывались разноцветные пятна и разводы, похожие на картины Кандинского, альбом с репродукциями которого долго пылился у них дома в Прокопьевске. Мир еще существовал. Это она поняла по эху. Только теперь оно не хохотало, а кричало на разные голоса – и столько было в этих криках боли и ужаса, что хотелось оглохнуть.

Потом вернулось зрение.

Девушка сразу поняла, что находится не дома. Наверное, из-за запаха, ведь каждое жилое помещение пахнет по-своему. Но тут запах был как раз нежилой – тяжелый и чужой. Пахло землей и затхлостью. Так может пахнуть на складе или в заброшенном доме, давно покинутом обитателями.

Но, как ни странно, к этому запаху примешивался другой, тоже неприятный, но гораздо более привычный – запах множества человеческих тел, пота и крови. Да, крови. Его не спутать ни с чем. Так может пахнуть только казенное помещение вроде больницы, вытрезвителя или «обезьянника».

«Нет, не может быть, – сразу отмела это предположение Машенька. – Для больницы здесь слишком темно. А остальные варианты просто нелепы».

В растерянности она шарахалась впотьмах в поисках ответа. И тут догадка как вспышка озарила ее разум. Подземный переход, железная дверь со штурвалом, лестница, уходящая вниз, длинный коридор, бункер...

Вспышка слева. Вспышка справа. Воздушная тревога. ГО – это гражданская оборона, а ЧС – чрезвычайная ситуация. Предмет – ОБЖ, второй год обучения. «Зачтено». «Способы оповещения населения о ядерной опасности». Сигнал подается всеми средствами...

Все стало на свои места. Или, наоборот, перевернулось с ног на голову. Сквозь туман она слышала голоса, вопли, шум. Постепенно к ней возвращалась способность воспринимать действительность. Но эта действительность нравилась Маше все меньше.

Это второе пробуждение за день было куда менее приятным – голова гудела, будто там поселился рой рассерженных пчел. Ей не хотелось шевелиться, не хотелось открывать рта, от одной мысли о еде тошнило. Только одно она знала точно – жить ей хотелось не меньше, чем утром этой сумасшедшей субботы. Мир постепенно приобретал четкость, глаза привыкали к полумраку.

Потом она заметила рядом с собой Ивана и тут же задала давно созревший вопрос:

– Что со мной? Сильно я?..

– Бровь рассекла. Скобку тебе наложили. – Парень покосился на немолодого доктора в белом халате, который что-то говорил старушке с соседней лавки. – Кровищи было...

– Вот блин, – вырвалось у Машеньки.

Словно не веря его словам, она потрогала голову и обнаружила на ней плотную повязку. Да, это определенно не сон, хоть и похоже.

– И долго я была в отключке?

– Да минут двадцать.

– И чего тут без меня произошло? – спросила она слабым голосом, приподнимаясь на лавке.

- Много всего... расскажу потом.
- А говорили, когда нас выпустят? – не отступалась Маша.
- Ты это... лежи, отдыхай. – На лице парня отразилось смятение. – Сказал, попозже тебе все расскажу.
- Говори сейчас, – настаивала девушка.
- Потрепи. Доктор сказал, тебе надо в покое побыть.
- Да я сама доктор, блин, – вскинулась она. – И знаю, что мне сейчас нужно. Мне нужно знать, что за дерьмо здесь произошло.
- Дерьмо, это ты верно сказала. Ну, как хочешь.

Иван сдался и рассказал все, что к этому моменту знал сам. Знал он не так уж много, но для нее оказалось достаточно.

Это была война. Атомная. По городу нанесен ядерный удар. Или несколько. Другие обстоятельства пока оставались неизвестны.

К слову, ненамного больше было известно и его новому командиру, хоть тот и был одним из тех, кому по долгу службы полагалось быть готовым не только к ЧС – Чему-то Страшному, но и к ГО – всеобщему game-over'у. Ведь мало кто всерьез думал, что эти приготовления понадобятся. Ни один нормальный человек, родившийся после первой «холодной войны» и благополучно прогуливавший лекции по современной истории, не мог представить, что «вторая холодная» в один прекрасный день станет настолько горячей.

Она знала, что это означает. Конец всему. И бесполезно себя успокаивать. От нервного срыва Машеньку спасла ее приземленность и отсутствие рефлексии. Она не умела переживать одну и ту же эмоцию дважды. Ее жизнь всегда была так насыщена ими, что долго мусолить каждую не получалось. Еще у нее было не очень богатое воображение. Тысячу долларов и тысячу трупов Маша могла представить себе, а миллиард – уже никак.

Она не стала себя жалеть и хоронить заживо. Второе уже сделали за нее, а на первое у нее в ближайшие дни не будет времени. Вместо этого девушка твердо решила жить дальше во что бы то ни стало.

Может, настоящая боль придет к ней позднее, когда наступит осознание случившегося. А может, и не придет. В этот первый день, ставший для ее прежней жизни последним, она не проронила ни слезинки. Она вообще редко плакала. Внешне Маша осталась прежней. Может, в душе, в каком-то ее потаенном уголке, что-то и заледенело, но об этом она вряд ли кому-нибудь расскажет.

А наверху бушевала огненная смерть. Город горел. Огонь поглощал все новые и новые кварталы, добираясь до тех, которым удалось выдержать ударную волну. Его аппетит не иссякал. Ему было безразлично – спальные районы, университеты и НИИ с мировым именем, сараи, школы и детсады. Он был всеяден. Там, где к городу примыкали лесные массивы, пламя охватывало их и быстро распространялось по кронам деревьев, подгоняемое усиливающимся ветром.

И запылает тайга, и все пространство от Уральских гор до Тихого океана превратится в гигантский костер, подожженный с нескольких сторон и подпитываемый новыми взрывами. Патриота мог бы утешить тот факт, что то же самое творилось на Североамериканском континенте. Сильные дожди могли бы остановить катаклизм и спасти то, что осталось от биосферы и от цивилизации. Но небо не проронило ни слезинки.

Огонь разгорался, и в нем горело все то, что природа и человек создавали на протяжении своей истории. Все превращалось в дым и пепел и поднималось к низкому серому небу. А небо становилось темнее и темнее, словно вбирало в себя всю последнюю боль невинных, сгоревших в адском пламени за чужие грехи, и все зло тех, кто даже в этот последний час проклинал и ненавидел. Налетевший северо-западный ветер гнал тяжелые тучи в сторону бывшего

Академгородка, туда, где глубоко под землей укрылась от бури тысячелетия жалкая горстка живых существ – несколько тысяч на весь миллионный город.

Их жизнь уже никогда не будет прежней. Судилище свершилось. И хорошие, и плохие, и виновные, и не виноватые ни в чем, кроме того, что родились не вовремя, – все понесли одинаковое наказание. Никогда им не узнать, кто выступил в роли судьи, а кто – палача. Пламя поглотило все следы.

Потом все стихло. Пепелище медленно остывало. Налетавшие порывы, завывая, кружили вихри невесомого праха в пустых комнатах и коридорах.

Не всех поглотил огонь. Кое-кто остался. Среди мертвых развалин серыми тенями то тут, то там крались немногие уцелевшие, будто стыдясь того, что выжили, когда других развеяло по ветру. Они были живы, но от смерти их отделяла невидимая нить, которая в любое мгновение могла оборваться. Кроме огненной вспышки и ударной волны у ядерного взрыва существовала еще третья ипостась, самая коварная.

Смерть следовала за ними по пятам: невидимая, но такая же реальная, как опустошающее пламя. Ее невозможно было почувствовать до тех пор, пока не становилось слишком поздно. Убивала она медленнее, чем огонь, но гораздо мучительнее.

Глава 5

Идущий

«Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть деревьев сгорела, и вся трава зеленая сгорела».

Строчки из «Откровения» отражали действительность точнее любой военной сводки.

Это началось двадцать третьего августа, приблизительно в десять часов по московскому времени. Для большинства – с низкого басовитого гула за окном и дребезжания стекол, реже с тревожного рева сирен ГО и короткого сообщения по радио, похожего на первоапрельский розыгрыш. Вспышку наблюдал мало кто из уцелевших. Еще меньшее число людей могло похвастать тем, что испытали на себе действие ударной волны и остались живы.

Саша был исключением. Он вспышку видел – пару миллисекунд, пока глазные нервы не подали с запозданием свой сигнал. Волна тоже не прошла мимо, чуть не вбив его в землю.

И все же он упрямо вел отсчет событий не с них, а с раннего утра того же дня, когда проснулся в холодном поту за час до рассвета. Раньше ему казалось, что само выражение «проснуться в холодном поту» – просто красивая метафора, литературщина, а в жизни так не бывает. Разве может пот быть холодным? Оказалось, может.

Лежа на жесткой неудобной кровати, в съемной квартире, в чужом городе, Александр Данилов не мог унять дрожь. Его зубы отбивали дробь. Руки покрылись «гусиной кожей», хотя на улице были все тридцать градусов жары. Как будто внутри у него был лед Антарктиды, который охлаждал его изнутри, несмотря на теплый летний день за окном. Сердце стучало, как паровой молот, каждый удар отдавался в ушах адским грохотом. И только одна мысль гнездилась в его воспаленном сознании: грядет что-то страшное.

Вероятно, кошмар, увиденный им во сне, был настолько невыносимым, что сознание стерло его из памяти в тот самый миг, когда вступило в свои права. Инстинкт самосохранения не мог допустить, чтобы этот ужас вырвался на свободу и запер его в подвал бессознательного, отделил барьером от обычных мыслей. Кроме того, что кто-то плохой и темный убивал его, Саша не мог восстановить ни одной детали из своего сна.

В этом сне не было ничего экстраординарного. Ему и раньше снились подобные кошмары. Он от кого-то убегал, кто-то его преследовал, настигал, разрывал, пожирал. Психолог мог бы рассказать об этом много интересного, да только Саша не обратился бы к нему ни за какие коврижки, не желая раскрывать свой внутренний мир перед посторонними.

Многие из этих сновидений были похожи на малобюджетные фильмы ужасов, и этот ничем от них не отличался. Вся разница была в сопутствующих обстоятельствах. В том, что случилось потом.

Он не был настолько наивен, чтобы считать себя новым Нострадамусом. Такие «пророческие» сны снились ему не реже раза в неделю, но благополучно забывались до того, как он успевал о них рассказать кому-либо. И этот забылся бы.

Но это произошло ровно неделю назад. Всего неделю. Или целую неделю?

Для обычной жизни ничтожный срок – за это время нельзя ни как следует отдохнуть, ни втянуться в работу. А теперь он казался Александру вечностью, отделяющей его от более-менее нормальной жизни. Хотя он давно не знал, что такое норма, где ее границы.

Но то, что случилось неделю назад, нормой явно не было. Такие события происходят раз в несколько миллионов лет, и очень мала вероятность стать их свидетелем.

Но он стал.

Взрыв он услышал как далекий гул, заполнивший все мироздание и закруживший его в своем водовороте. Так с грохотом переворачивалась очередная страница истории человечества, а заодно начиналась новая глава в его жизни. Жизни скромного учителя родом из сибир-

ского подбрюшья огромной империи, против воли вступившей в свою последнюю войну. Но еще до того, как его глаза смогли рассмотреть все в подробностях, опыт десятков книг и фильмов подсказал выжившему человеку, как должен выглядеть Армагеддон.

Наверняка на свете были люди, куда более достойные занять его место. Но так уж получилось, что ему выпала сомнительная честь попасть в короткий список уцелевших. Это была на двадцать пять процентов его личная заслуга, на семьдесят – деяние судьбы и на жалкие пять – результат помощи других.

Он был странным человеком во всех отношениях, настоящей находкой для этого мира, как и мир был подарком судьбы для него. Их объединяли общие пороки и добродетели, но сильнее всего – общая судьба. С самого рождения оба жили с сознанием своей обреченности, знали, что финал проигран, но ничего не могли изменить. Или не хотели.

Саша едва ли смог бы жить, если бы у него отняли право разочаровываться и испытывать сомнения. Себя он считал ни много ни мало – современным Агасфером, идейным наследником лорда Байрона и прочих гениев всех времен и народов.

На самом деле все обстояло куда скромнее. Его интеллект не был чем-то из ряда вон. Таких на тысячу набралось бы пять, на шесть миллиардов – уже тридцать миллионов. Так что любая уважающая себя диктатура могла бы собрать их всех и известить на какой-нибудь стройке века. Остальной мир утраты даже не заметил бы.

Но в своем воображении он неизменно отводил себе какую-то особую роль. Проблема заключалась как раз в его не в меру развитом воображении. Если бы Сашу в детстве показали психиатру уровня Фрейда или Юнга, не ниже, то его можно было бы исправить. Внушить, что скучная работа с восьми до пяти, выходные на дачном участке, нелюбимая жена и дети-двоечники – нормальная жизнь, и ничего в этом нет смертельного. Но момент был упущен. Александр увидел, что выбор ограничен только страданием и скукой, и предпочел первое.

Самое, пожалуй, забавное заключалось в том, что и его творческий дар тоже не был уникальным. Саша пришел бы в ужас, если бы узнал, сколько таких же непризнанных «творцов» коптит небо одновременно с ним в эпоху всеобщей грамотности. Но он был слишком поглощен собственной персоной. Отсутствие у него подлинного величия компенсировалось признаками соответствующей мании. И, как это часто бывает, она легко уживалась у Александра с комплексом неполноценности.

Не всегда он был таким. Пессимистами не рождаются. В шесть лет маленький Саша был твердо уверен в том, что у него впереди интересная и полная событий жизнь. Тогда ему казалось, что мир только и ждет его прихода, чтобы открыться ему во всей своей красе и заблистать миллионами граней.

Уже в школьные годы у него появилось смутное подозрение, что не все ладно в датском королевстве, что с миром и людьми что-то не так. Но он был наивен и посчитал это ошибкой, совпадением, а не правилом. Только узнав получше историю мира, в который его зашвырнула злодейка-судьба, Саша понял, куда он попал.

Конкретно попал.

Люди убивали людей, причем с большой выдумкой. Человек был самым свирепым животным на Земле. Жестокость была нормой. Милосердие – редким и смешным отклонением. Он не принял этот мир, но у него не было выбора. Отступать было некуда, разве что в небытие. Но самоубийство стало бы актом капитуляции, поэтому он решил искать другой путь.

В какой-то момент, пока его здоровые сверстники били друг друга морды, сосали пиво на лавочках и обжимались на дискотеках, Данилов начал придумывать ирреальные миры. Они не обязательно были лучше этого. Некоторые из них оказывались даже ужаснее. Сам он не был в них суперменом или великим полководцем. В некоторых из них его вообще не было. Но зато они были куда ярче и реальнее, чем эта серая муть за окном. Это было для него своеобразной отдушиной, не дававшей ему окончательно свихнуться.

Время шло, и в век всеобщего цинизма он увлекся романтическими иллюзиями в дон-кихотском стиле. Но даже свою Единственную он искал мысленно, не покидая пределов собственной комнаты, и почему-то не мог найти. Когда-то он пытался разглядеть ее в толпе, среди девушек родного города, но все они были далеки от светлого образа. Тогда он стал склоняться к мысли, что ее не существует в природе. Если она была, то почему не нашла его? Саша просто устал ждать. Постепенно пришло ощущение, что его обманули, подсунув вместо жизни подделку, а вместе с ней – разочарование. Годы сменялись годами, он незаметно перестал быть тинейджером, школа плавно сменилась институтом, институт – работой. Но Саша так и не нашел в жизни ничего, из-за чего за нее стоило бы цепляться. Разве что по инерции.

В двадцать два Саша был убежден, что жизнь пролетела мимо, не задев его даже краем. Друзей у него никогда не было, знакомых парней трудно было назвать даже товарищами. Работа вызвала чувство, похожее на сверление бормашины, и не потому, что он неправильно выбрал профессию. Ни одна профессия не была тем, что подошло бы ему. Денег он не нажил, зато кое-что осознал. Даже если он стал бы Биллом Гейтсом, то это не приблизило бы его к счастью.

Александр был одиноким, как затерянный в океане камень, по недоразумению называемый островом, но с каждым днем окружающие были все меньше ему нужны. День за днем он отгораживал себя от мира глухой стеной, даже не зная, хочет ли защитить себя от мира или мир от себя.

Пути Господни неисповедимы. Жизнь иногда преподносит такие совпадения, что можно усомниться в наличии у Всевышнего вкуса. В этот раз судьба сыграла с Александром в рулетку, и призом был шанс проснуться в воскресенье.

Двадцать третьего августа в девять часов утра, отправляясь на свой еженедельный сеанс репетиторства, он вытянул счастливый билет, когда сел спросонья не на тот автобус. Нельзя сказать, что такого с ним раньше не происходило. Двух лет для того, чтобы нормально ориентироваться в «незнакомом» городе, ему было недостаточно. Но как получилось, что в этот же день он оставил бумажник на тумбочке в коридоре? Это тоже с ним бывало, но два таких события еще ни разу не совпадали.

К тому же автобус оказался пригородного сообщения и увез парня не по обычному городскому маршруту, а в неведомые дали. Он благополучно проспал до самой конечной остановки, а когда сошел, оторопело хлопал глазами, пытаясь взять в толк, куда его занесло. Стоя на пустой остановке посреди чистого поля, Данилов еще не начал выгребать последние медяки из кармана, как уже понял – не хватит. Но он не почувствовал испуга, обычного в таких случаях. Мысль пройтись до дома на своих двоих не вызвала у него отторжения. Даже, наоборот, понравилась.

Сколько отсюда до городской черты? Километров десять? Больше? Еще лучше.

Александр давно мечтал привести свои мысли в порядок. А лучшего способа, чем размеренная пешая прогулка вдали от людей, он не знал. Тем более что погода стояла ясная, дождя не ожидалось, а на открытой всем ветрам дороге жара не так утомляла, как в раскаленном металлическом коробе автобуса.

Помахивая пакетом с учебниками, Саша бодро шагал по нагретому асфальту, отгоняя мух и редких комаров, вдыхая сухой горячий воздух и чувствуя, как необыкновенная легкость разливается по всему телу. Странно, но он совсем не огорчился, хотя только что лишился возможности заработать энную сумму денег. Заботиться ему было не о ком, с голода он не умирал.

Его всегда привлекали безлюдные пространства. Здесь, вдали от чужих взглядов, он по-настоящему отдыхал душой. Иногда парень даже представлял, что в мире, кроме него, нет никого. Это была одна из его любимых фантазий.

Он шагал по обочине шоссе, протянувшегося через бескрайнюю равнину, кое-где пересеченную зелеными линиями лесопосадок. Мимо него с ревом проносились автомобили, обда-

вая ядовитым дымом выхлопов, и в какой-то момент Данилов почувствовал жгучее желание оказаться от цивилизации еще дальше.

На первом же перекрестке он свернул на второстепенную асфальтированную дорогу, потом – на безвестный грунтовый проселок, потом – и вовсе на тропинку, уходящую в редкую березовую рощу. Александр шел, куда несли его ноги. Он отключил сознание, предоставил «автопилоту» направлять его движение. Внутренний компас вроде бы вел его в верном направлении, но он бессознательно выбирал самый длинный и непростой маршрут, чтобы максимально оттянуть встречу с опостылевшим городом.

Парень и сам не знал, чего он добивался. Сбежать от цивилизации таким путем еще никому не удавалось, а заблудиться в этих трех соснах было невозможно даже при его талантах. Стоит пройти километр в любую сторону, и ты обязательно уткнешься в автомобильную или железную дорогу, выйдешь к дачному кооперативу или, на худой конец, к линии электропередач. А уж звуки антропогенного происхождения слышны из любой точки этих пригородных лесополос.

Оставшись наедине с собой, Саша часто терял счет минутам. Так случилось и в этот раз. Уже потом точное время катастрофы – без десяти два после полудня – он узнал только по остановившимся часам.

Березняк сменился запущенным сосновым бором. После городского смога дышать было невероятно легко, а приятный полумрак радовал глаза Александра, уставшие от монитора. Тихо похрустывала под ногами прошлогодняя хвоя. Тропа выглядела давно нехоженой.

Неожиданно до парня долетел далекий нарастающий рокот, а его взгляд уловил странное движение на чистом небе. Он надел очки, задрал повыше голову и в просвет между широкими стволами сосен увидел, что небосвод рассекает множество росчерков. Инверсионные следы. Двадцать, тридцать, сорок – он никогда бы не подумал, что столько самолетов может разом кружить в новосибирском небе. Может быть, это авиашоу? Скорее всего.

Все они двигались по параллельным траекториям, держа путь в сторону города, и скорость их была куда больше, чем у обычных пассажирских лайнеров. С удивлением наблюдая за странным зрелищем, парень и представить не мог, как ему повезло. Ракеты летели с дозвуковой скоростью, иначе ему не сохранить бы барабанные перепонки.

Получив пищу для размышлений, он пошел дальше. Может, это и шоу. Или авиасалон. В любом случае его калачом было не заманить на массовые мероприятия. Он вообще мало чем в жизни интересовался.

В этот момент до него долетел гул, ослабленный расстоянием, а ноги уловили слабую вибрацию почвы. Данилов пожал плечами. Мало ли, может, неподалеку идет тяжелый товарный поезд или проводят взрывные работы на разрезе. Железной дороги поблизости вроде бы не наблюдалось, так что второе предположение больше походило на правду. Вот только не было в помине угольных разрезов в окрестностях Новосибирска.

Парень не мог знать, что сам город был изуродован десятком маленьких карьеров, возникших там, где закончили свой полет крылатые ракеты с конвенциональными боеголовками. Вестники приближавшейся грозы.

Странно, но на этом Сашино везение не кончилось. Когда через четверть часа на западе зажглось второе солнце, он смотрел в противоположном направлении. Просто парень еще не изжил детской привычки вертеть головой по сторонам. «Солнце» это было оранжевое, огромное, слепяще-яркое. Настолько яркое, что, пронаблюдав его краешком глаза долю секунды, парень наполовину потерял зрение. А следом пришла боль, такая острая, будто в глазницы залили раскаленное олово.

Данилов инстинктивно закрыл лицо руками, но было уже поздно. От полной слепоты его спасли очки-хамелеоны и заросли, находившиеся между ним и источником светового излучения. Еще приличное расстояние и слабая облачность, которая установилась в последний час

над обреченным областным центром. Но частичное ослепление на несколько часов и резь в глазах на пару суток он заработал.

Жжение распространилось на все открытое участки тела. К счастью, Саша еще раньше, мучаясь от жары, снял черный пиджак – дань желанию выглядеть солидно. По законам физики тот поглощал больше тепла и мог бы вспыхнуть, а белая рубашка и светлые брюки только начали тлеть. Парень отделался покраснением кожи лица и рук.

А в пятнадцати километрах к востоку разом оборвался миллион жизней.

Там, где недавно возник из ниоткуда исполинский огненный шар, сейчас собиралось гигантское облако пыли. Оно вытягивалось, разбухало, пока не стало походить на гриб шампиньон, вонзившийся в стратосферу. Издали казалось, что все это происходило без единого шороха, как в немо кино. Оттуда, из центра остывающей сферы, отставая от светового излучения на несколько секунд, во все стороны со скоростью реактивного самолета устремилась взрывная волна. Чтобы добиться такого же эффекта при обычном взрыве, понадобилось бы больше тротила, чем производит мировая промышленность за год.

Но Саша не видел ничего. Он остервенело катался по траве, сбивая давно погасший огонь, крича не то от боли, не то от ужаса. И вдруг его вопль потонул в реве накатившей бури.

Сам он никогда не догадался бы залечь. Данилов добросовестно посещал занятия по ОБЖ и знал, что должно следовать за вспышкой. Прямо у опушки тянулся глубокий овраг. Учитывая расстояние до эпицентра, у парня имелось почти десять секунд, чтобы добежать до него. Но его мозг не успевал за скачками реальности. Сознание находилось еще там, в прежней жизни, которая стремительно уносилась вверх вместе с пеплом и дымом. Поэтому он остался на месте.

Но даже если укрытия нет, встречать ударную волну лучше лежа, чем в полный рост. Только это Данилов и успел сделать в последнюю секунду, прежде чем фронт избыточного давления в пятнадцать килопаскалей вжал его в землю, как исполинская рука. Он уже был слишком слаб, чтобы выдавить из человека внутренности или переломать кости, а вот капризный механизм часов его не пережил. На такую встряску они рассчитаны не были.

Он лежал долго, пока предметы не обрели четкость, а боль в глазах не стала терпимой. Потом Саша осторожно провел рукой по лицу, коснулся тех мест на теле, где одежда успела затлеть. Вроде ничего страшного. Он уже хотел подниматься на ноги, когда услышал еще один удар, послабее. Но земля после него дрожала даже дольше, чем после первого.

Данилов пролежал еще минут десять, и тут до него долетел запах дыма вместе с тихим потрескиванием. Именно они и вывели его из оцепенения.

Александр встал и пошатнулся. Он чувствовал себя так, словно его пропустили через мясорубку, соединенную с грилем. Ожоги саднили, кожа лица и рук горела огнем. Одно успокаивало – кости, похоже, остались целы.

Он огляделся и оторопел. Настолько переменялось все вокруг. Листья и почти все ветви с деревьев пропали, и теперь те стояли по-зимнему голые. Но на этом сходство с холодным временем года заканчивалось. Кругом доминировал черный цвет. Добрая треть сосен лежала, как после сильного урагана. У тех, что устояли, кора потемнела и потрескалась с западной стороны. Зеленый, которого и так было мало, почти исчез. То тут, то там среди пожухлой травы виднелись темные островки подпалин, которые быстро расширялись во все стороны. В воздухе летали хлопья невесомого пепла.

Еще был красный цвет. Чадным пламенем горели остатки кустарника, муравейники, валежник. Сама тропинка почти не изменилась – несколько тополей упали прямо на дорожку, но их легко можно было обойти.

Треск тем временем становился все сильнее. Похоже, его источник приближался, и Саше это не понравилось. Парень понял, что ему угрожает, и теперь быстрым шагом шел по тлеющему бурелому, устилавшему дорогу, прочь от города.

Он выбрался обратно к шоссе. Асфальт стал горячим и вязким, как только что уложенный, дорожное полотно покрывал тонкий слой горячего пепла. Сквозь дым, щипавший глаза, Саша заметил вдалеке черный силуэт автомобиля. Тот был неподвижен.

Ветер дул в его сторону и гнал за собой поток нагретого воздуха, а за ним шел огненный вал. Александр ускорил шаг. Прошло две минуты, а может быть, пять, и он понял, что треск не ослабевает. Тогда Данилов побежал изо всех сил. Но далеко уйти ему не удалось. Совсем скоро путь ему преградила стена горящего леса. Встречный пал. Его загоняли как зайца. Правда, этот огонь не приближался к нему, а спокойно пожирал сухие деревья, образовавшие завал на дороге.

Саше пришлось наугад свернуть вправо, на очередной проселок, и теперь он бежал, чувствуя, как сжимаются огненные клещи. Через пять минут у парня начали слезиться глаза, чуть позже он почувствовал першение в горле. Стало жарко как в бане, с него градом лил пот. Задышавшись от дыма, он неслся, не разбирая дороги.

Неожиданно на пути у него оказался Транссиб. Может, не сама магистраль, а какое-то ее ответвление. Полумертвый от угара и черный от копоти, как шахтер, он взобрался на железнодорожную насыпь и распластался прямо на шпалах, тяжело дыша. От его одежды к тому времени остались грязные лохмотья. Но он был жив, и это было главное.

Всего через несколько минут с двух сторон от насыпи полыхало море огня. В этом месте деревья почти вплотную примыкали к путям. Конечно, то была не девственная тайга, а зеленые насаждения сталинских времен, но это мало что меняло. Страшные засухи июля и августа превратили сибирские леса в идеальный корм для огня. Лесные пожары и так стали бичом последних лет, давая много работы Министерству Чего-то Страшного. Световое излучение взрыва стало спичкой, поднесенной к бочке с бензином.

Лиственницы, сосны и ели быстро занялись, и вскоре гигантский костер запылал всюду, насколько хватало глаз. Искры, слетавшие с пылающих макушек деревьев, ложились совсем рядом с колеей, в которой укрылся полумертвый человек. Раскалившиеся стволы взрывались как петарды. Кругом стоял адский треск падающих и разрываемых пламенем деревьев.

Пожар бушевал не один час. К счастью, дым относил ветром в сторону. Саша страдал от страшного жара. Он в очередной раз потерял счет времени, теперь уже от шока и недостатка кислорода.

Когда он открыл глаза, пожарище догорало. Окружающий пейзаж напоминал ад из книжки Данте. Пепел был повсюду – на земле, в воздухе, даже в небе, которое успели затянуть набрякшие тучи. Александр не удивился бы, если бы узнал, что сам покрыт изрядным слоем сажи.

Видимо, кто-то наверху решил смыть с него прах старого мира, и хляби небесные разверзлись. С потемневшего неба начал капать теплый дождик. Но Данилов не успел обрадоваться. Саша вспомнил о таком явлении, как радиоактивные осадки. Он знал, что и так получил некоторую дозу в виде проникающей радиации.

Ему некогда было думать о розе ветров. Чертыхаясь, Данилов накинул пиджак и застегнулся на все пуговицы. На голову он надел пакет, из которого пришлось вытряхнуть конспекты, учебник и прочую мелочь. Парень расстался с ними почти без сожаления, подобрав с земли только одну вещь – свернутые больничные бахилы. Не далее чем вчера он собирался посетить стоматолога, но ретировался из-за огромной очереди. Слишком плотный у него был график, да и зуб почти не болел. Просто маленькая дырочка.

Теперь эти резиновые шутовшины оказались как нельзя кстати. Можно было натянуть их на ноги и снять, когда перестанет лить, оставив вместе с ними львиную долю радиоактивной грязи. Лучше такая защита, чем никакой, тем более что дождь успел превратиться в промозглый ливень.

И он опять убегал, теперь уже от падающей с неба воды – по рельсам, в поисках хоть какой-нибудь крыши. Мог ли он знать, что впереди его ждет первое Откровение?

До ближайшего населенного пункта оказалось куда ближе, чем ему думалось. Рукой подать. Но лучше бы он туда не приходил. Там, где раньше стоял поселок городского типа с населением в тридцать тысяч человек, Александр увидел инферно. Вот что сила, пощадившая одинокого путника, смогла сделать с многоэтажными домами и с людьми, которые находились в них.

Человек брел по железнодорожной насыпи уже целые сутки, без сна и отдыха. Нетвердой походкой, шатаясь как пьяный, спотыкаясь и падая, он шел и шел, сам не зная, есть ли в этом хоть крупица смысла. Один раз, запнувшись о шпалу, он рухнул пластом и ободрал себе руку в кровь, но тут же поднялся, словно не заметил этого. Он стал почти нечувствительным к боли, потому что боль была тем, что преследовало его по пятам.

Лицо идущего было ужасно. Так может выглядеть тот, кто только что заглянул в разверстную пасть собственной могилы. Взгляд его поражал отсутствием концентрации. Человек смотрел в никуда, сквозь пелену реального мира, как будто видел то, от чего другие избавлены.

Откровение застало Александра Данилова далеко от родных мест, и теперь он возвращался туда. Где-то в соседней Кемеровской области, в пятистах километрах по прямой лежал богом забытый Прокопьевск. В федеральных выпусках новостей этот город упоминался не чаще, чем раз в десять лет. В начале века он пережил краткое оживление, когда увеличивалась рождаемость и создавались новые рабочие места – в основном в торговле, но после кризиса 2008–2012 годов медленно умирал. Теперь это была дыра с населением меньше двухсот тысяч человек, с лежащей на боку промышленностью и полузакрытыми шахтами. Больше ничего заслуживающего внимания тут не было.

Но все то, что раньше было минусами, теперь превратилось в плюсы. Там не было ничего, что стоило бы самой завалящей ракеты. Этот город должен был уцелеть. Саше только и оставалось, что верить и надеяться.

Говорят, что дорогу осилит идущий. Но в этом случае все пока происходило наоборот. Дорога медленно, но верно осиливала идущего человека.

Его губы беззвучно шевелились, произнося не то молитву, не то проклятие. Приблизься к нему кто-нибудь, умеющий читать по губам, он разобрал бы слова Мандельштама, звучащие как пророчество, пришедшее из глубин века минувшего:

Будут люди холодные, хилые
Убивать, холодать, голодать.
И в своей знаменитой могиле
Неизвестный положен солдат.

Если он не сошел с ума, то явно находился на грани, отделяющей здравый смысл от безумия. Этот человек, выбравший такое неподходящее время для своей прогулки, был странным и внешне и внутренне. Его лицо было землисто-серым, мешки под глазами походили на гематомы. Сказать, что путник был худ, значило не сказать ничего. Узник Освенцима смотрелся бы рядом с ним весьма упитанным человеком. Во всем его теле не было ни одной округлости. Как персонажи компьютерных игр на заре трехмерной графики, он состоял из одних углов. Саша был голоден, не ел с того момента, когда все началось.

Его одежда выглядела так, будто была позаимствована у огородного пугала. Рукава порванной, явно с чужого плеча куртки были ему коротки. Брюки прожжены в нескольких местах и испачканы сажей. Осенние ботинки, которые при каждом шаге скрывались в грязи,

разлезлись по шву и просили каши. Он, должно быть, сильно мерз, то и дело шмыгая носом и зябко ежась.

Синие сплетения вен просвечивали сквозь тонкую кожу рук, упрятанных в карманы. Кровь стыла у него в жилах в самом прямом смысле слова. Может, дело было в самом строении его тела, а может, в нарушении кровообращения. Саша чувствовал себя холоднокровной ящерицей, застигнутой заморозком. Он знал, что ему необходимо срочно раздобыть одежду по погоде, если он хочет протянуть хотя бы еще чуть-чуть.

С погодой творилось что-то неладное, и Данилов был одним из немногих, кто знал, чем это вызвано. Сначала он догадывался, а теперь был уверен. Его выводы основывались на статье из журнала «Наука и жизнь», прочитанной еще в школе, и на том, что он увидел собственными глазами за последнюю неделю.

В субботу, когда человечество совершило последнюю ошибку, выпустив ядерного джинна из бутылки, никто и подумать не мог, что худшее впереди; что испепелившее города пламя – это цветочки. Казалось невозможным, что может быть хуже. Нет, разумеется, про эффект «ядерной зимы» люди знали давно. Но мало кто предполагал, что из теоретических выкладок он может превратиться в реальность. Ни одна военная доктрина не учитывала вероятность такого развития событий.

Все были убеждены, что этого не может быть, потому что не может быть никогда.

А потом был первый черный рассвет. Черное утро черного дня.

И был день первый – он же день последний. И поднятая взрывами пыль, пепел сожженных городов и лесов, дым от горящей нефти, резины и пластика поднимался в тропосферу и висел там гигантскими вихрями.

Регион Персидского залива наверняка превратился из обычной пустыни в радиоактивную. Но только ли он? Горело углеводородное сырье, горело топливо, запасенное на черный день в хранилищах, горела сама человеческая плоть. Скоро из-за циркуляции воздушных масс черное облако накроет весь земной шар густой пеленой, вполне достаточной для того, чтобы ни один солнечный луч не достиг опустошенной поверхности.

Нечто подобное погубило динозавров. Все повторялось. Не зря древние считали, что история совершает круг. Только тогда всему виной был астероид, а на этот раз люди справились без посторонней помощи.

Разумеется, это произойдет не в одночасье. Но однажды запущенный процесс не остановить.

Становилось все холоднее не по дням, а по часам. У Саши не было с собой термометра, но по ощущениям ему казалось, что уже начало октября – не больше плюс восьми днем. Ночью температура опускалась еще ниже, и когда он просыпался, траву покрывал иней. Между временами суток пока еще оставалась разница, а солнце несколько раз в день выглядывало из-за серой завесы.

Но тьма наступала одновременно с морозом. На самом деле именно она была первична, холод был ее следствием. И если эта ночь продлится не один месяц, то...

Вспышкой в сознание Данилова ворвалась мысль: «Прекрати!»

Нельзя думать о таком. Потому что существует непреложный закон мироздания – все страхи рано или поздно воплотятся в реальность. В отличие от желаний, которые не сбываются никогда.

Парень не раз убеждался в справедливости этого закона. Стоило ему подумать о неприятном, как оно было тут как тут. И теперь своими мыслями он подписывал смертный приговор тем, кому повезло пережить Черную субботу; хоронил их заживо, и себя вместе с ними.

Саша был бы рад запретить себе думать, но не мог. Его мысли никогда не подчинялись ему.

Итак, если тьма не рассеется в ближайшие месяцы, то цивилизации придет конец. Она замерзнет, как теплолюбивое растение. Но это еще не самое страшное. Если мрак не рассеется, то за ближайший год многие биологические виды, обитающие на третьей планеты Солнечной системы, исчезнут. Уцелеют микробы, бактерии, в лучшем случае – тараканы и крысы. Человечества не станет как вида. Единицы выживших, если они и будут, позавидуют мертвым черной завистью. Даже если кто-то из людей и сможет пережить катастрофу в безопасном месте, имея запас воды и пищи, то, выйдя из своего убежища, он обнаружит себя посреди бескрайнего кладбища. А это страшнее, чем очередной ледниковый период. Земля будет напоминать Марс – мертвый холодный мир, непригодный для жизни.

Но он этого уже не увидит. Если холод станет арктическим или, тем более, марсианским, то его не спасут даже теплый полушубок и валенки – он просто не сможет дышать.

«Узнать бы, кто за это в ответе, – думал Александр, заходясь в приступах сухого кашля. – Кому пожелать перед смертью долгих и мучительных лет в этом аду?» Его слегка знобило. Он мог только надеяться, что это простуда, а не что-то похуже. К счастью, легкая тошнота, которую парень почувствовал пару часов назад, прошла бесследно. Значит, не оно. Значит, простое отравление. А теперь его мучает самое обыкновенное ОРЗ.

Забавно. Обреченный человек, а внутри у него – такие же обреченные микробы. Род людской наверняка вымрет, как и большая часть животных. А что же бактерии и вирусы, населяющие их тела?

Последуют за нами. Хоть они и могут переносить чудовищные температуры, но не способны жить и размножаться вне организма-хозяина. Если не станет людей, то и все микроорганизмы, паразитировавшие на них, обречены. В глубине души Саше было их даже жаль. Ведь они-то были ни в чем не виноваты.

И пришел день четвертый, и тучи лопнули по швам, и копившаяся в них влага пролилась на выжженную землю мутным маслянистым дождем. Радиоактивные осадки выпали даже в странах, отделенных десятками тысяч километров от театра военных действий.

По шоссе М-51 бесконечной вереницей растянулся поток измученных людей, в одночасье лишившихся всего. Беженцы. Это слово было правильным по сути, но могло ввести в заблуждение. Они не бежали, а шли. Эти существа, похожие на привидения, ковыляли, спотыкаясь в дорожной пыли, нестройной толпой, растянувшейся на многие километры.

Должно быть, нечто подобное происходило по всей стране. Или по всему миру, кто знает? Они шли, не останавливаясь, как будто за ними гнался лютей враг. Люди валились с ног от усталости, но привалы были короткими, и даже перерыв на сон они старались свести к минимуму. Никто не гнался за ними по пятам, но хуже любого преследователя был страх попасть под невидимые лучи.

Температура воздуха быстро падала, холодный ветер, дувший с северо-востока, хлестал беженцев наотмашь, не щадя никого. Многие из них были одеты легко, так как не все догадались и успели прихватить из дома одежду на осень. А уж про зимнюю вряд ли кто-то даже подумал.

Данилов влился в этот поток случайно, свернув не в том месте и тут же попав под магнетическое воздействие величественной процессии, змеившейся по автострате насколько хватало взгляда. До этого Александр предпочитал опасную тишину проселков и второстепенных дорог, причем передвигался ночью, когда большинство нормальных людей забивались в дома и палатки и не высывались до бледного подобия рассвета. Парень здраво рассуждал, что так он будет целее. Доверять нельзя даже себе, а уж другим и подавно. Защиты коллектив не предоставит никакой, в случае опасности ты все равно останешься наедине с неприятностями. Если так было раньше, то почему сейчас что-то должно измениться в лучшую сторону?

Он долго избегал людей. Но потом разница между днем и ночью стерлась до едва уловимой, а люди, бегущие на запад, из уничтоженного города в сельскую местность, заполонили

даже неторные проселочные дороги. К тому же от постоянных дождей колеи раскисли до полужидкого состояния, а каждая колдобина превратилась в глубокую лужу.

Александр знал, что это ненадолго. Если верны его прикидки, то скоро вода на большей части суши будет существовать только в виде льда.

Данилов некоторое время колебался, прежде чем присоединиться к путникам. Направление их движения не совпадало с его маршрутом. Они шли в лагерь, в Коченево, что километрах в пятидесяти к западу от областного центра. Он же двигался на запад только затем, чтобы обогнуть областной центр по широкой дуге и выйти к реке на участке, который меньше пострадал от ядерного нападения. Уже там, переправившись на восточную сторону Оби, Саша планировал продолжить путь в юго-восточном направлении – в соседний Кузбасс.

Но из разговоров других беглецов Саша понял, что ближайшие мосты через Обь перестали существовать, поэтому переправа на другой берег может стать невыполнимой задачей. В ледяной воде далеко не уплывешь, да и пловец из него был никакой. Лодки? Но если налетавший временами ветер гнул людей к земле на суше, то что помешает ему опрокинуть утлое плавсредство? А надеяться на то, что кто-то оставил для него моторный катер или яхту, вряд ли стоило.

Трезво рассудив, парень решил, что родной город его подождет. Сначала надо было подумать о выживании. Мертвым он никому не сможет помочь.

Это напоминало миграцию птиц. Вряд ли всех людей выгнали из домов радиация и пожары. Данилов подозревал, что большинство идущих сорвало с насиженных мест то стадное чувство, что глубоко сидит в каждом, каким бы индивидуалистом он ни был.

Казалось бы, с приближением зимы все живое должно перемещаться на юг. Но направление движения диктовалось не климатом, а шоссейными дорогами. По разбитому проселку не осилишь и десяти километров с тяжелой поклажей, а людей, путешествующих налегке, заметно не было, не считая его самого. Большую роль играла и кормовая база. По вполне объяснимым причинам народ валил туда, где были относительно крупные торговые предприятия. И только в третью очередь путь определяли немногочисленные посты «чрезвычайщиков», редкие указатели на столбах и рекламных щитах и еще более редкие организованные колонны, двигавшиеся к таинственному ПЭПу. О смысле этой аббревиатуры парень мог только гадать.

Александр был песчинкой в водовороте, засасывавшем все новые и новые ручейки людей из городов и поселков, через которые лежал их путь. Они двигались практически в тишине, мрачно, почти торжественно, что делало их похожими на паломников.

Данилов ни с кем не разговаривал, впрочем, никто и не набивался к нему в собеседники. Это была толпа одиноких. Катастрофа не сблизилась, а развела по разные стороны баррикад, причем число этих баррикад приближалось к числу идущих.

Можно было по пальцам пересчитать сплоченные группы, которые повстречались Саше за время его одиссеи. Половина из них состояла из смуглолицых брюнетов с гортанными резкими голосами, а в другой половине, несмотря на славянскую внешность, угадывалась общая порода. Те и другие смотрели на своих попутчиков надменно и вызывающе.

Они выжидали, еще не решались действовать открыто, еще не были уверены в том, что закон ушел навсегда. Данилов напрягался всем телом, когда проходил мимо них, и старался выглядеть как можно беднее. Это было нетрудно. На его глазах еще никого не убили и не ограбили, но нескольких горемык, неудачно засветивших свое «богатство» в виде хорошей еды или полезных в походном быту предметов, вежливо попросили поделиться:

– Зема, ну зачем один такую тяжесть прешь? Давай пособим.

И они не отказались. Сами отдали свои рюкзаки, чтобы получить их назад порядком облегченными.

Волки уже сбивались в стаи, а «добропорядочные» граждане пропадали поодиночке, равнодушно глядя на творящийся рядом беспредел, лишь бы он происходил не с ними.

Раненых и обожженных в толпе попадалось много, но все же меньше, чем он ожидал. Это было тягостное зрелище. По пропитанным кровью и сукровицей бинтам можно было понять, что самыми распространенными травмами стали ожоги лица и поражения глаз. Чуть реже встречались ожоги и переломы рук. Саша почти не заметил тяжелораненых; особенно тех, кто не способен был идти сам.

Чтобы отвлечься от созерцания бесконечного потока, Данилов поднимал глаза к небу. Над головой от горизонта до горизонта раскинулась картина, завораживающая своей противостоительностью.

Откровение не врало. Небо свернулось, как свиток, звезды осыпались с него, как плоды смоковницы. Александр знал, что там, в вышине, витали облака праха и пепла. Это они, преломляя лучи солнца, пропускали к земле холодный свет. Но от такого объяснения на душе не становилось легче.

К середине дня небеса расступились и над головами людей появилась полоса синего неба с фиолетовыми краями, протянувшаяся с запада на восток. Она то сжималась, то разливалась широким потоком, а примерно в пять часов вечера с ее западного края выглянуло багровое солнце. Оно светило почти сорок минут, а потом скрылось, но не за горизонт, а за тучу из пепла.

На ночь Саша счел за лучшее удалиться от толпы в ближайшую лесополосу. Парень догадывался, что рискует наткнуться там на хищников четвероногих, выгнанных катастрофой из своих логовищ, но посчитал, что опаснее двуногих они быть не могут.

Перед тем как устроиться на ночлег, он долго смотрел на странный закат без солнца, ворочаясь на жесткой травяной подстилке. Под вечер небо стало иссиня-черным, но свет еще проникал через несколько дыр в этом занавесе, окрашивая все вокруг в странные и причудливые тона.

Он уже засыпал, когда пришла ночь. Теперь над его головой сквозь прорехи в покрывале, наброшенном на мир, проглядывали непостижимо далекие звезды. Их свет был слаб, но он напомнил Данилову о том, что вселенная все еще на месте. Но вдруг исчезнут и они?

Утро было серым и пасмурным.

Не сговариваясь, люди тронулись в путь в половине седьмого, не тратя много времени на сборы. Солнце не выглянуло до самого полудня.

Людей было так много, что они сделали бы дорогу практически непроходимой для транспорта, если бы тот еще существовал в заметном количестве. Изредка их обгоняли автомобили. Одни долгими сигналами просили дать дорогу, другие прорывались на полной скорости, распугивая людей. Вторые чаще достигали успеха. Беженцы уступали путь неохотно, и на глазах Данилова не раз и не два машины застревали в местах дорожных заторов, там, где толпа становилась плотнее всего. Обычно им уже не удавалось тронуться с места. Стоило машине остановиться, как человечьи спины смыкались со всех сторон. Кричи, жми на клаксон, ругайся, угрожай – бесполезно. Добьешься только того, что твоему авто проколют шины, а тебя самого вытряхнут из салона и отметелят.

Видел парень и мотоциклистов – несколько маленьких групп и одну ораву человек в двадцать, которые с ревом пронеслись мимо, лавируя в людском потоке на своих юрких «железных конях». У них, как он заметил, было больше шансов прорваться и не присоединиться к массе безлошадных.

Но иногда проходили часы, а на шоссе не было заметно никакого транспорта, кроме навеки замерших скоплений железа, обреченного ржаветь и гнить под ударами непогоды. Так же, как радиация убивала живое, электромагнитный импульс губил технику. Его жертвами стали не только высокотехнологичные устройства, такие как навигационные компьютеры, – взрыв не пережила и вся электронная начинка современных автомобилей, вроде системы

впрыска и подачи топлива, без которой самый навороченный из них немногим отличается от груды цветного лома.

Все же Данилов подозревал, что дело не только в ЭМИ. Только законченный самоубийца мог ездить по дорогам в эти дни. Даже если очень повезет, уедешь не дальше первой засады или первого поста, что почти то же самое. А как теперь отличить сотрудников органов, пусть даже и бывших, от бандитов, напавших форму?

Слишком уж хорошая приманка – движущаяся цель, ведь по логике вещей у человека на колесах должно быть нечто такое, чем можно пожить. Это раньше от тех же ребят с полосатыми жезлами можно было отделаться малой мздой; теперь им могла приглянуться твоя машина, твои вещи, продукты и даже твоя жена или дочь.

Менты, рэкетеры и дезертиры, просто лихие люди из придорожных селений, раздобывшие винтари, а то и автоматы. «Тяжело в деревне без нагана». Кто помешает им использовать право сильного?

Данилов вспомнил, как сам вчера едва не влетел. Он тогда путешествовал один, и так случилось, что первым признаком цивилизации на его пути стал блокпост, оборудованный на бывшем стационарном посту дорожной инспекции.

Дорога была перегорожена бетонными надолбами, сужавшими ее до одной полосы. Шлагбаум опущен. Массивный, железный – протаранишь разве что на грузовике, да и то водитель расшибует голову почти наверняка. Рядом на обочине стоял темно-зеленый УАЗ.

До этого случая Саша не раз видел похожие заграждения, но все они были брошены. А на этом имелись люди. Приглядевшись, парень заметил среди пожухшей зелени движение фигур в камуфляже. Впрочем, нет. Некоторые были явно в гражданском.

Пост был распложен с умом – за крутым поворотом дороги, прикрытый от взглядов водителей зелеными насаждениями по ее краям. Если бы Данилов ехал на машине, то ему не миновать бы встречи с ними, но пеший мог обойти их с любой стороны и не бояться быть замеченным – вокруг были достаточно густые заросли.

Что-то здесь явно было не так. До него долетала разухабистая музыка, знакомое «умца-умца-умца», только слова непонятные, будто на незнакомом языке. Да и движения людей были слишком резкими, расхлябанными. Что еще за карнавал? Где-то рядом готовился шашлык, и ветер доносил до Александра восхитительный запах жарящегося мяса, от которого у него сразу свело желудок. Это что, по уставу теперь можно? Не покидая укрытия, Данилов повнимательней пригляделся к силуэтам и заметил чуть поодаль от них несколько женских. Чем дальше, тем страньше.

Может, стоит подойти и спросить, как пройти к эвакупункту или лагерю временного размещения? Разум говорил, что это будет самым логичным решением. Все-таки это представители власти, и они должны знать дорогу.

Но инстинкт советовал обойти их стороной. Да, прошло всего несколько дней. Вроде бы для разложения нормального подразделения нужно больше времени, и дисциплина не могла ослабнуть так быстро. Но береженого Бог бережет.

Внезапно сзади послышался шум подъезжающего автомобиля, белые галогенные фары мазнули по спящей роще. Не тратя времени на раздумья, Данилов нырнул в «зеленку».

Люди на посту засекли машину еще раньше и заметно оживились. Посторонние быстро скрылись с глаз, музыка смолкла, и через полминуты блокпост выглядел вполне цивильно, будто ждал начальство с инспекцией. Мангал был предусмотрительно расположен так, что увидеть его с дороги было невозможно.

Четверо встали возле заграждения, в тридцати метрах от скрывавшегося в кустах наблюдателя. На взгляд дилетанта Данилова, к их внешнему виду нельзя было придираться. Автоматы покоились на ремнях; у того, кто стоял ближе всех, можно было разглядеть фуражку на голове.

Маленький грузовичок «Mitsubishi» неся на полном ходу, еле успев затормозить перед шлагбаумом. К нему вразвалочку направился тот человек, на котором довольно криво сидела фуражка, – видимо старший. Или старшой? Остальные заняли места чуть в стороне.

Последовал краткий разговор через стекло, явно завершившийся приказом выйти из машины. Водитель подчинился, и только он захлопнул за собой дверь, как его подхватили под белы руки и куда-то повели, не обращая внимания на протестующие возгласы.

Они исчезли за гаишной будкой. Командир помахал тому, кто сидел в ней, попоже, требуя открыть шлагбаум. Когда тот начал подниматься, старшой занял место в кабине и перегнал грузовик на другую сторону, скрывшись из виду – не только для Саши, но и для тех, кто приедет по дороге следом.

В этот момент до него долетел истошный крик. Затем еще один, уже слабее. И третий, внезапно оборвавшийся. Дальше была только тишина.

Так подойти к ним? Нет уж, он как-нибудь сам справится. Данилов всегда стеснялся спрашивать дорогу, но теперь дело было в другом. Он далеко не был уверен в том, что задержанного водителя отпустили после проверки документов. Александр привык доверять своей интуиции.

Может, он становился параноиком, но в этом странном пире во время чумы ему чудилась угроза. Парень предпочел обойти поляну десятой дорогой, оставаясь в тени деревьев.

Глава 6

Лагерь

Он уже не верил, что это когда-нибудь случится, но они пришли. Данилов поднял глаза от земли и посмотрел туда, куда были устремлены взгляды тысяч и тысяч. На щите поверх рекламы выгодного тарифа сотовой связи светящейся краской было намалевано: «Коченево. Лагерь временного размещения – 5 км».

Последние километры пути Александр прошагал играючи. Его душа ликовала. Теперь, убеждал он себя, ему ничто не угрожает. Его накормят, о нем позаботятся. Как бы то ни было, худшее позади.

На окраине города им встретился еще один блокпост, но если от предыдущего за версту несло анархией, то здесь еще чувствовалась дисциплина. За бруствером из мешков с песком расположились шестеро. Даже семеро, если считать скучающую овчарку на поводке. Саша не сомневался, что ее скуку как рукой снимет команда бойца-кинолога. В направлении дороги смотрели стволы по крайней мере двух пулеметов.

Здесь не останавливали никого, кроме тех, кто был вооружен. Этих в категоричной форме убеждали оставить свои ружья и пистолеты, получив взамен расписку. Как ни странно, возражений не возникало. Сам вид людей, обличенных властью, действовал на толпу успокаивающе.

Прямо на въезде в лагерь, который присосался к городу как нарост, путников ждала еще одна преграда. Тут было всего пятеро – четверо сурового вида бойцов в камуфляже без знаков различия и один плотный мужчина в очках, которого Данилов принял за врача или санитаря. Лица всех троих были защищены марлевыми повязками. И еще один пулемет.

Корректно, но твердо они делили бредущих по дороге на три потока. Александру понадобилось минут десять, прежде чем он понял, по какому принципу.

Только женщин с грудными детьми, а также травмированных и обожженных людей пропускали в лагерь. Большинство отправляли дальше – в сам небольшой городок, который, похоже, стал не чем иным, как его филиалом.

Тех, кто был совсем плох, – тяжелораненых, людей с явными признаками лучевой болезни и инфекционных заболеваний, – отправляли направо. В карантин. Там, на огороженном сеткой-рабицей пустыре площадью с гектар, томились уже человек сто, сидя на голой земле или расхаживая взад-вперед с видом пронзительной обреченности.

Данилов видел, как мужчина с забинтованным лицом, в измочаленном костюме, но при галстукке, подошел вплотную к забору и сквозь неплотные звенья сетки вполголоса переговаривался с женщиной, оставшейся по другую сторону. Парень был только рад, что не может видеть выражения их лиц. Ему хватало собственной горечи и тоски.

Бухенвальд. Заксенхаузен... Сцена вызвала у Саши ассоциации с ними, хотя он знал, что и сам смахивает на узника этих учреждений.

Но не похоже было, что кого-то держали тут силой. У ворот огороженной площадки маячили двое автоматчиков, но, судя по их поведению, они охраняли находящихся внутри от тех, кто мог угрожать им снаружи. И в этом был смысл. То, что среди беженцев хватало всякой сволочи, Александр знал по собственному опыту.

Так что это, медсанчасть? Гетто? Лепрозорий?

Рядом, дополняя зловещую картинку, фырчал мотором заляпанный грязью грузовик без номеров, смысл которых теперь отпал. Когда подошли рабочие и начали быстро выгружать из него тюки, богатое воображение Александра получило дополнительную пищу.

Но это оказались всего лишь плотно упакованные брезентовые палатки. Множество палаток. За те полчаса, пока парень стоял в очереди к пропускному пункту, на огороженном участке

вырос целый городок. На его глазах были собраны и пять модульных жилищ, каждое из которых могло вместить человек двадцать – тридцать.

Рядом расположилась полевая кухня, неподалеку от которой вскоре остановился еще один грузовик. На сером борту можно было прочесть: «Продукты».

Надпись не обманула. С машины на землю полетели коробки, которые парень не спутал бы ни с чем. Не прошло и десяти минут, как над трубой кухни закурился дымок, а затем пошел такой умопомрачительный запах, что Данилов чуть не захлебнулся слюной. Вскоре ударили в рельс, и над всей площадкой поплыл оглушительный звон. Но еще раньше к пункту горячего питания со всех сторон потянулись изможденные люди с жестяными мисками.

Еда была более чем скромной – водянистая похлебка, в которой сиротливо плавали несколько жиринок, да кусок черного хлеба. Но за то время, пока в карантине шел обед, Саша уже начал жалеть, что не заработал ни язв, ни волдырей. Нет ничего мучительнее, чем наблюдать, как кто-то ест, когда у тебя желудок прилип к спине.

В противоположном конце пустыря крутился экскаватор, но отрывал он наверняка выгребную яму, а не братскую могилу. Наконец подошел и Сашин черед. У него не проверили документы, но придирчиво осмотрели лицо и руки, спросили, как себя чувствует, где находился во время атаки, и только после этого пропустили через КПП в город. К сожалению или к счастью, но его признали полностью здоровым.

Села и деревни, попадавшие в «зону отчуждения», через которые он прошел на этой неделе, выглядели почти как раньше. Обычная российская провинция – не очень ухоженная, но не производящая впечатления заброшенности. Целые стекла, почти не разграбленные магазины, нетронутые небогатые дома. Казалось, люди не покинули их навсегда, а выглянули на пару минут – покопаться в огороде или купить буханку хлеба в сельмаге. Разве что многоэтажным коттеджам досталось посильнее, но даже эти акты мародерства казались лихорадочными, словно совершались в спешке и панике.

Первое впечатление от райцентра можно было охарактеризовать двумя словами: культурный шок. Такого ему еще видеть не доводилось. Саше показалось, что он очутился в трущобах Индии или Бангладеш.

Вокруг раскинула свои шатры сотня цыганских таборов. Грязь. Горы мусора, загромаживающие тротуары. Вонь – щекочущая ноздри, удушающая. Запах гниющих отходов, фекалий и живых, но давно не мытых тел, пропотевших за время долгого марша под палящим солнцем огненного августа, который только недавно сменился слякотной осенней хмарью. Специфический средневековый букет, который сравним только с запахом в вагоне трамвая, когда туда заходит полгода не мывшийся бомж. Запах антисанитарии, отчаяния и страха. Запах, который пришел с людьми из вымершего города, где теперь не осталось даже крыс.

В воздухе пахло и гарью, почти так же, как пахло в лесу на второй день после удара. Странно было ощущать этот запах здесь, в стольких километрах от пожарища. Возможно, люди принесли его на своей одежде и коже.

А может, дело в нем самом и это ему всюду мерещится вонь паленого мяса? Нет, все гораздо прозаичней. Ему не чудилось – отовсюду действительно тянуло жареным. В воздухе висела атмосфера гигантской привокзальной шашлычной. Прямо посреди проезжей части люди жгли огромные «пионерские» костры и разводили огонь в железных бочках и мусорных контейнерах. Александр видел такое только в фильмах типа «Побег из Нью-Йорка». На газовых плитках, мангалах, в котелках и в обычных кастрюлях, поставленных на огонь, – всюду готовилась еда. Может, по отдельности что-то из этого и могло пахнуть аппетитно, но все вместе создавало дикую смесь запахов, от которой хотелось только зажать нос.

В этот день Саше не везло. Почти сразу же он наткнулся на труп. Это был первый увиденный им человек, который погиб не от поражающих факторов ядерного оружия.

Он висел на фонарном столбе, в паре метров от земли. С первого взгляда было ясно, что этот человек скончался не от асфиксии и уж точно не от перелома шейных позвонков. Умирал он страшно и медленно. Даже отсюда были заметны глубокие колотые и резанные раны, покрывавшие грудь и живот, а изодранные остатки одежды так пропитались кровью, что слиплись. Лица у человека не было. Вместо него синела сплошная гематома.

К истерзанному трупам была прибиты гвоздями фанерная табличка с надписью «Мародер». Намек яснее ясного. Здесь не жаловали любителей присваивать чужое. Надо иметь это в виду. Но вряд ли это дело рук гражданской администрации. Не тот почерк. Если Данилов хоть что-то понимал в психологии людей, то беднягу прикончили его же соседки, на зависть которым он слишком плотно успел набить свою кладовую, пока в городе существовал властный вакуум.

Он нахапал, а они, значит, не успели. Отсюда и праведный гнев. А его запасы они явно не сдали в пункт раздачи продовольствия, это уж к гадалке не ходи. Сначала, видимо, просили по хорошему поделить, затем, когда отказался, скопом линчевали, «раскулачили», а чтобы по факту придать расправе видимость легитимности – вздернули. Их мотивы понятны. Вопрос в другом. Почему его до сих пор не сняли? Допустим, психологическое воздействие, гарантия от рецидивов. Как пугало на огороде. Но здесь же женщины, дети... Неужели за эти дни все настолько изменилось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.